

Сергей Егорович Михеенков родился в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Окончил Калужский государственный педагогический институт, Высшие литературные курсы. Служил в рядах Советской Армии. Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Наш современник», «Юность», «Сура», «Аргмак». Автор многих книг прозы и исторической документалистики, вышедших в издательствах «Вече», «ЭКСМО», «Молодая гвардия», «Центрполиграф». Биограф маршала Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, певицы Лидии Руслановой. Живет в Тарусе.

Сергей Михеенков

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА

(О тех, кто к штыку приравнял перо)

Глава десятая

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

«Я БЫЛ ПЕХОТОЙ В ПОЛЕ ЧИСТОМ...»

1

Многие поэты приобрели на войне тот бесценный и страшный опыт ненависти и любви, который предстояло еще переплавить в душе, пережить, осмыслить. Семен Гудзенко записывал свои шедевры, казалось, еще дрожащей рукой, сразу после боя, — так составляют командиры пехотных взводов записку о безвозвратных и санитарных потерях для ротного писаря. Его стихи пахнут пороховой гарью, солдатским потом, кровью и ужасом. Ужасом только что закончившейся атаки, либо ожиданием еще не начавшейся.

Семен Гудзенко начал мощно и глубоко писать еще на фронте. И первые публикации в периодике свидетельствовали о том, что в советскую литературу пришел большой поэт.

Родился в Киеве 5 марта 1922 года. Отец Петр Константинович — инженер. Мать Ольга Исаевна (Исааковна) — учительница. При рождении он получил имя Сарио, то ли итальянское, то ли испанское.

Уже на фронте, в 1943 году, когда стали публиковать его стихи, Гудзенко решил, что для мужчины, а тем более поэта, нужно имя мужское, и под стать эпохе. Поменять имя ему подсказал Илья Эренбург, когда прочитал его стихи, сразу увидев в нем поэта.

Первые стихи он написал в пятилетнем возрасте.

В 1929 году поступил в киевскую школу № 45. Одновременно посещал литературную студию в городском Дворце пионеров. Литературу в те годы ставили высоко, она, и в первую очередь — русская классика от Пушкина до Горького, воспитывала души нового поколения советских людей. Какими она их воспитала, покажет война.

В марте 1937 года Сарик Гудзенко написал стихотворение, посвященное столетию со дня трагической смерти А.С. Пушкина. Стихотворение было признано лучшим. Его опубликовали в журнале «Молодая гвардия». Автор получил свой первый гонорар — путевку в детский лагерь «Артек». Добрый, общительный, в «Артеке» он нашел много друзей. Был капитаном волейбольной команды лагеря.

Первые стихи писал на родном украинском языке. Под влиянием матери пробовал писать и на идише, но вскоре эту затею оставил.

В 1939 году окончил школу, получил аттестат о среднем образовании и поехал в Москву поступать в Московский институт философии, литературы и истории. Институт открылся недавно, но о нем по стране уже ходила добрая слава¹. В МИФЛИ учились Константин Симонов, Александр Твардовский, Евгений Долматовский, Сергей Наровчатов. Одновременно с Литературным институтом им. А.М. Горького вуз стал кузницей литературных кадров. Какой простор сразу открылся для молодых поэтов, прозаиков, драматургов!

Учился с тем же прилежанием, что и в киевской школе. Много читал. Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон. Восхищался поэзией Николая Тихонова, Велимира Хлебникова. У него была хорошая память, и многие стихи любимых поэтов он знал наизусть, так что в студенческих беседах и дискуссиях мог прочитать не только стихи, но и куски поэм Киплинга, а также Иннокентия Анненского, Вийона, Саши Черного. С ревнивой жадностью следил за творчеством восходящих поэтов — Бориса Пастернака, Константина Симонова, Александра Твардовского. Пытался подражать то Маяковскому, то Багрицкому, но вскоре стал обретать свой голос.

22 июня 1941 года резко повернуло судьбы миллионов.

2

В самом начале июля Гудзенко и несколько его однокурсников по МИФЛИ пошли в военкомат. Они узнали, что формируется Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Сводки Совинформбюро извещали уже о том, что бои идут под Киевом. Судя по направлениям основных ударов врага, немцы, не ослабляя натиска на южном направлении, рвались к Ленинграду и Москве.

В бригаду набирали спортсменов, специалистов радиодола, парашютистов. Из самотека выделяли крепких парней, владеющих немецким языком, водителей, ворошиловских стрелков, охотников. Ни в одну из этих категорий Гудзенко не попадал. У него было слабое зрение, носил очки. Очкарик в отряде особого назначения — не боец, а обуза.

И все же, уступая настойчивости студента-филолога, его зачислили на курсы разведчиков и подрывников. Физически он ничем не уступал другим кандидатам

¹ МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского) — гуманитарный вуз университетского типа. Образован из нескольких кафедр МГУ в 1931 году. В ноябре 1941 года вновь присоединён к МГУ.

Семен Гудзенко

в Отдельную бригаду — натренированный, выносливый. К тому же хорошо стрелял, быстро освоил ручной пулемет Дегтярева. Сохранилась тетрадь Гудзенко, которую он завел летом 41-го. В ней вперемешку с недописанными стихами и черновиками будущих стихов — конспекты лекций и практических занятий по подрывному делу, различные схемы и формулы.

Курсы были ускоренные. Через два-три месяца из выпускников формировали очередной отряд — от шестидесяти до ста двадцати человек (рота!) — и забрасывали в немецкий тыл. Бои уже шли на Смоленщине, под Ярцевом и Рославлем. Группу, в которую был зачислен Гудзенко, неожиданно оставили в Москве — начали готовить к уличным боям в большом городе. В конце сентября 1941 года немецкая Группа армий «Центр» приступила к операции «Тайфун». Это было второе, после вынужденной паузы под Вязмой и Брянском, наступление на Москву,

которое, по планам немецких штабов, должно было решить исход всей кампании на востоке. Это обстоятельство мгновенно изменило задачу Отдельной бригады.

Шестого ноября во дворе Литинститута курсанты спецшколы принимали присягу. А утром следующего дня они уже стояли на Красной площади, выстроенные для торжественного парада. В том строю стоял и автор будущего стихотворения «Перед атакой». Он напишет его уже скоро. Но надо было еще пробежать на лыжах многокилометровые марши, померзнуть в окопе, увидеть гибель товарищей, побыть — и не раз! — на волосок от смерти, получить осколок мины в живот... И только потом, в 1942 году, этот шедевр военной лирики родится как бы сам собой.

В те дни все происходило не просто быстро — стремительно. Стремительно продвигались к Москве немецкие танки. Стремительно бросали под их гусеницы сводные полки подольских и кремлевских курсантов. Стремительно формировались стрелковые и танковые бригады и тут же вступали в бой, потому что для формирования дивизий времени уже не оставалось. Уже 8 ноября отряд особого назначения сосредоточился на западной окраине Москвы. Группами разной численности — в зависимости от поставленной задачи — их забрасывали в леса Калужской, Смоленской, Тульской, Брянской областей, к тому часу частично или полностью оккупированных немецкими войсками.

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения принадлежала Особой группе войск НКВД СССР. ОМСБОН напрямую подчинялся 2-му отделу НКВД, который в начале 1942 года был преобразован в 4-е диверсионное управление, руководил им старший майор госбезопасности П.А. Судоплатов². Зимой 1941–

² Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) — советский разведчик, генерал-лейтенант МВД СССР. Лично ликвидировал руководителя ОУН Е. Коновальца. Организовал ликвидацию Льва Троцкого. Во время войны руководил 4-м управлением НКВД. В 1953 году арестован, осужден на 15 лет лишения свободы. Реабилитирован в 1992 году. Известен как автор книг «Разведка и Кремль», «Спецоперации и Кремль. 1930–1950 годы». Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды.

1942 годов на основе рот из состава ОМСВОН формировали мобильные лыжные отряды особого назначения «для тактических, разведывательных и диверсионных операций в ближнем тылу противника».

Лыжный отряд старшего лейтенанта Кирилла Захаровича Лазнюка совершил несколько рейдов в немецкий тыл. Гудзенко входил в этот отряд в качестве пулеметчика.

Странички из дневника:

«Ноябрь 1941.

Это было первое крещение. Первые убитые, первые раненые, первые брошенные каски, кони без седоков, патроны в канавах у шоссе. Бойцы, вышедшие из окружения, пикирующие гады, автоматная стрельба.

Погиб Игношин. На шоссе у Ямуги. Погиб конник, осколки разбили рот. Выпал синий язык.

10 декабря 1941.

Пришло письмо от Нины³. Пишет Юре, а мне только привет. И сейчас такая же, чтоб я не зазнавался, а сама плакала, когда я уходил. Гордая до смешного. Письмо носилось в кармане, адрес стерся, и тогда захотелось написать.

Была ранена в руку. Опять на фронте. Избалованная истеричка. Красивая девушка. Молодчина.

Декабрь 1941.

Снег. Снег, леса и бездорожье. Горят деревни.

Одоево. Зашли с Паперником в дом. Жена арестованного. Ему немцы “повязку” надели и он работал в управе. Это чтоб с голода не помереть... Сволочь. Городской голова — адвокат, сбежал с немцами.

Был бой под Кишеевкой⁴. Лазарь бил из снайперской. Здорово! Метко. Ворвались в деревню. Потом отошли. Когда подползали — деревня кашляла. Гансам не по легким наши морозы. Простужаются, гады.

Подпускают идущих по поясу в снегу на 50-60 м. Зажигают крайние дома. Видно как днем. И бьют из пулеметов, минометов и автоматов. Так они бьют везде.

Бой под Хлуднево.

Пошли опять первый и второй взводы. Бой был сильный. Ворвались в село. Сапер Кругляков противотанковой гранатой уложил около 12 немцев в одном доме. Крепко дрался сам Лазнюк в деревне. Лазарь говорит, что он крикнул: “Я умер честным человеком”. Какой парень. Воля, воля! Егорцев ему кричал: “Не смей!” Утром вернулось 6 человек, это из 33-х.

Испуганная хозяйка. Немцы прошли. Заходим. Обогрелись, поели супец. Немцы здесь все отобрали. В скатертях прорезали дыры для голов, надели детские белые трусики. Маскируются. Найдем!

Идем в Рядлово. Я выбиваюсь из сил. Лыжи доконали. Отдыхаю.

2-го утром в Поляне. Иду в школу. Лежат трупы Красобаева и Смирнова. Не узнать. Пули свистят, мины рвутся. Гады простреливают пять километров пути к школе. Пробежали... Пули рвутся в школе.

Бьет наш “максим”. Стреляю по большаку. Немцы уходят на Маклаки. Пули свистят рядом.

³ Видимо, подруга по спецшколе и, скорее всего, студентка МИФЛИ.

⁴ Здесь и далее в дневнике упоминаются населенные пункты Думиничского района нынешней Калужской области.

...Однополчан узнал я в черных трупях.
Глаза родные выжег едкий дым.
И на губах, обветренных и грубых,
Кровь запекалась покровом ледяным.
Мы на краю разбитого селенья
Товарищей погибших погребли.
Последний заступ каменной земли —
И весь отряд рванулся в наступленье...

2 января 1942.

Ранен в живот. На минуту теряю сознание. Упал. Больше всего боялся раны в живот. Пусть бы в руку, ногу, плечо. Ходить не могу. Бабарыка перевязал. Рана — аж нутро видно. Везут на санях. Потом довели до Козельска. Там валялся в соломе и вшах.

Живу на квартире нач. госпиталя. Врачи типичные. Культурные, в ремнях и смешные, когда говорят уставным языком.

Когда лежишь на больничной койке, с удовольствием читаешь веселую мудрость О. Генри, Зоценко, “Кондуит и Швамбранию”, бравого солдата Швейка.

А в какой же стадии хочется читать Пастернака? Нет таковой.

Где же люди, искренне молившиеся на него, у которых кровь была пастерначья? Уехали в тыл. Война сделала их еще слабее.

Мы не любили Лебедева-Кумача, его ходульные “О великой стране”. Мы были и остались правыми.

Мы стояли на перекрестке дорог. Со всех сторон хлестали ветра. Москва была очень далеко.

Железнодорожные рельсы засыпаны снегом. Поезда не ходят с лета. Люди отвыкли уже от гула. Тишина здесь, кажется, усилена этими рельсами.

Был мороз. Не измеришь по Цельсию.
Плюнь — замерзнет. Такой мороз.
Было поле с безмолвными рельсами,
позабывшими стук колес.
Были стрелки совсем незрячие —
ни зеленых, ни красных огней.
Были щи ледяные.
Горячие были схватки
за пять этих дней.
Пусть кому-нибудь кажется мелочью,
но товарищ мой до сих пор
помнит только узоры беличьи
и в березе забытый топор.
Вот и мне: не деревни сгоревшие,
не поход по чужим следам,
а запомнились онемевшие
рельсы.
Кажется, навсегда...

4 марта 1942.

Вчера вышел из дома. Пахнет весной. Не заметил ее начала.
Завтра мне 20 лет. А что?

Прожили двадцать лет.
Но за годы войны
мы видели кровь
и видели смерть —

просто,
как видят сны.
Я все это в памяти сберегу:
и первую смерть на войне,
и первую ночь,
когда на снегу
мы спали спина к спине...»

Как быстро Гудзенко переплавлял в стихи пережитое, увиденное, прочувствованное. Фронтовики говорили, что война жизнь уплотняет. За одно мгновение человек порой проживает с десяток лет. Однажды в большом селе Озерна на границе Калужской и Брянской областей я увидел фотографию капитана, командира разведроты. Фотография была прикреплена к свежему памятничку, который установили на свежей могиле внуки и внучатые племянники погибшего офицера. Поисковики отыскиали его останки где-то в поле, в запаханной траншее, нашли медальон, документы, разыскали родных. Фотография была качественная, сделанная, по всей видимости, фронтовым корреспондентом. Все черточки лица переданы до мельчайших деталей и морщин. Морщины и еще впалые щеки придавали лицу вид суровости и скрытой печали. Это было лицо сорокалетнего мужчины. Красивое, светлое, одухотворенное. Русые волосы, светлые славянские глаза. Скульптурная посадка головы. От него так и веяло: «Мы были высоки, русоволосы...» (Николай Майоров, «Мы», 1940). Когда же я прочитал дату рождения и гибели, был изумлен: капитану в 43-м году, на момент гибели, было всего двадцать шесть лет! Снимок был сделан наверняка в том же 43-м, быть может, в период подготовки к битве на Орловско-Курской дуге. Потому что капитан в гимнастерке нового покроя и с погонами, введенными совсем недавно.

У поэта душа распахнута миру. И миру, и войне тоже. Вечная, незаживающая рана, через которую «нутро видно». И тут уж никакой Бабарыка не перевяжет и козельский госпиталь не спасет...

Странички из дневника:
«3 апреля 1942.

Были в МГУ. Здесь уже нет ничего студенческого. Большинство этих людей не хотят работать, не хотят воевать, не хотят учиться. Они хотят выжить. Выпить. Это единственное, что их волнует. Они не знают войны.

Правда, есть много честных девушек.

Они учатся, работают в госпиталях, грустят о ребятах, ушедших на фронт. Но их **ЗДЕСЬ** не очень много.

До войны мне нравились люди из “Хулио Хуренито”, “Кола Брюньона”, “Гаргантюа и Пантагрюэля”, “Похождений Швейка” — это здоровые, веселые, честные люди.

Тогда мне нравились люди из книг, а за девять месяцев я увидел живых братьев — этих классических, честных, здоровых весельчаков. Они, конечно, созвучны эпохе.

Студент-искусствовед. Два дня метель. В воскресенье необходимо было чистить аэродром. Искусствовед заявил: “Работать не буду, у меня воспаление почечной лоханки”.

С этого аэродрома поднимались ястребки, защищавшие его теплую комнату с репродукциями Левитана.

Это уже подлец.

Война — это пробный КАМЕНЬ всех свойств и качеств человека. Война — это КАМЕНЬ преткновения, о который спотыкаются слабые. Война — это КАМЕНЬ, на котором можно править привычки и волю людей. Много переродившихся людей, становящихся героями».

После ранения осколком мины в живот (кто-то из друзей заметил: «пушкинское ранение...»), довольно длительного лечения, а затем приговора врачей: не годен для дальнейшего прохождения воинской службы, — с июня 1942 года служил в редакции газеты ОМСБОНа «Победа за нами!» Был необычайно счастлив, что все-таки оставлен в строю.

А ведь мог бы восстановиться в институте и продолжить учебу. Из двух судеб — студент или солдат — поэт выбрал солдата.

Странички из дневника:

«28 апреля.

Были в ИФЛИ и в ГИТИСе. Серьезные книжники-ифлийцы дрыгают ногами на сцене и поют неаполитанские песенки. Лиц нельзя разобрать. Вся эта масса копошилась в зале, но прямо в глаза не смотрят, лица прячут. Войны не понимают.

Это, конечно, не о всех, но таких много.

12 мая 1942.

Они все боялись фронта. И поэтому просыпались и ложились со страстными спорами:

— Ты отсиживаешься. Я бы...

— Брось, сам трус.

— Мы здесь нужней.

Тупые люди. Кулачки, кусочки.

Девушка учила Овидия и латинские глаголы. Потом села за руль трехтонки. Возила все. Молодчина».

Потом, когда солдаты добудут Победу и восстановят мир и, кому повезет выжить, придут и приковыляют на костылях домой, вчерашние студенты, наскоро залечив свою почечную недостаточность, встретят солдат с их фронтовыми блокнотами, заполненными стихами и прозой, а генеральная линия: довольно писать о войне, советскому читателю нужны произведения, зовущие народ к мирному, созидательному труду. Вот почему из редакционного самотека довольно легко эти книжники и фокстротчики футболили рукописи Константина Воробьева, Виктора Курочкина, не подпускали к журнальным страницам Юрия Белаша.

Странички из дневника:

«5 мая 1942.

Вышел из метро. После этого провал. После этого я был сбит авто на площади Дзержинского, и снесли меня в приемный покой метро.

Пришел в себя. Забыл все: откуда, зачем, какой месяц, война ли, где брат живет. Болит голова, тошнит.

20 мая.

Вчера был у нас Илья Эренбург. Он, как всякий поэт, очень далек от глубоких социальных корней. Выводы делает из встреч и писем. Обобщает, не заглянув в корень. Он типичный и ярый антифашист. Умен и очень интересно рассказывал. «Мы победим, — сказал он. — И после войны вернемся к своей прежней жизни. Я съезжу в Париж, в Испанию. Буду писать стихи и романы». Он очень далек от России, хотя любит и умрет за нее, как антифашист».

Илья Эренбург потом напишет: «Это был один из первых весенних дней. Утром в дверь моей комнаты постучали. Я увидел высокого грустноглазого юношу в гимнастерке. Ко мне приходило много фронтовиков — просили написать о погибших товарищах, о подвигах роты, приносили отобранные у пленных тетрадки,

спрашивали, почему затишье, и кто начнет наступать — мы или немцы. Я сказал юноше: “Садитесь!” Он сел и тотчас встал: “Я вам почитаю стихи”.

Я приготовился к очередному испытанию — кто тогда не сочинял стихов о танках, о фашистских зверствах, о Гастелло или о партизанах. Молодой человек читал очень громко, как будто он не в маленьком номере гостиницы, а на переднем крае, где режут орудия. Я повторял: “Еще... еще...”

Потом мне говорили: “Вы открыли поэта”. Нет, в это утро Семен Гудзенко мне открыл многое из того, что я смутно чувствовал. А ему было всего 20 лет; он не знал, куда деть длинные руки, и сконфуженно улыбался. Одно из первых стихотворений, которое он мне прочитал, теперь хорошо известно... <...> Гудзенко не нужно было ничего доказывать, никого убеждать. На войну он пошел солдатом-добровольцем; сражался во вражеском тылу, был ранен. Сухиничи-Думиничи-Людиново были для него не строкой в блокноте сотрудника московской или армейской газеты, а буднями. При первом знакомстве он мне сказал: “Я читал, что вы ездили к Рокоссовскому и были в Маклаках. Вот там меня ранили. Конечно, до вашего приезда...”⁵»

3

Об одном бое под Думиничами надо рассказать особо. Этот бой, гибель товарищей поэт не забывал всю войну и после.

В середине января 1942 года четыре отряда ОМСБОНа общей численностью 315 человек был переброшен в район Сухиничей⁶. Здесь держала фронт 328-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта. Армия наступала из-под Михайлова. Дивизии были обескровлены. Полки 328-й имели до полуроты активных штыков каждый. Немцы вначале легко бросали позиции и обжитые опорные пункты, но потом остановились и начали жестко контратаковать. Иногда во время этих внезапных контратак им удавалось отрезать, окружить слишком вырвавшиеся вперед советские подразделения и целые полки. В какой-то момент наступление 10-й армии, да и всего Западного фронта начало выдыхаться. Началось противостояние на достигнутых рубежах.

Две наших армии, 10-я и 16-я, по приказу комфронта Г.К. Жукова должны были захватить городок Сухиничи. Тот, кто владел Сухиничами, контролировал важнейшие коммуникации на брянско-жиздринском направлении. Это был калужский Ржев!

Сводный батальон ОМСБОНа, прибывший 18 января в район боевых действий, был гораздо сильнее и боеспособнее истощенной, израсходованной за месяц непрерывных боев и изнурительных маршей 328-й стрелковой дивизии.

Для дальнейших действий батальон разделился на четыре отряда. Пулеметчик Гудзенко до своего ранения входил в боевую группу старшего лейтенанта К.З. Лазнюка. Лазнюк — кадровый пограничник, имел боевой опыт. В этот раз на боевое задание омсбоновцы старшего лейтенанта Лазнюка уходили без пулеметчика Гудзенко. Гудзенко лежал в тыловом госпитале 16-й армии в Козельске. Осколок немецкой мины, который распорол ему живот под Маклаками, в итоге воспрепятствовал участию в рейде и, по большому счету, подарил ему жизнь. Но именно это потом и мучило поэта.

Первоначально задачей всех четырех отрядов было перейти линию фронта на участке села Маклаки Думиничского района, а затем развернуть разведывательную-диверсионную работу в ближнем тылу немецких войск в Жиздринском и Лю-

⁵ Эренбург И.Г. Годы, люди, жизнь. — М.: Советский писатель, 1961.

⁶ Ныне Калужской области. Районный центр и железнодорожная станция.

диносовком районе. После чего планировалось выйти в брянские леса в партизанскую зону, чтобы не рисковать попасть под огонь на двойной линии фронта.

Но планы вскоре пришлось менять. Во время авианалета на станцию Брынь погиб почти весь штаб сводного батальона. После чего одна из боевых групп перешла линию фронта в районе Думиничей. Остальные поступили во временное подчинение штабу 10-й армии.

Отряды старшего лейтенанта Лазнюка — 81 человек — и капитана Горбачева были переданы 328-й стрелковой дивизии «для использования при нанесении ударов по противнику, прорывающемуся на помощь окруженной в Сухиничах группировке немецких войск».

«В ночь с 21 на 22 января, — свидетельствуют местные хроники, — оба отряда ОМСБОН, приданные 328-й дивизии, совместно с одним из ее стрелковых батальонов (вернее, того, что от него к тому времени осталось — всего около 30 человек!) приняли участие в неудачном для них бою за деревню Кишеевку Думиничского района. Отряд Лазнюка понес ощутимые потери: пять человек убитыми и пропавшими без вести, не считая раненых и обмороженных, в результате чего в строю осталось 36 бойцов отряда. Понес потери и отряд Горбачева — в его составе осталось не более 50 активных бойцов».

Буквально на следующий день только что вышедшему из боя отряду Лазнюка командир 328-й стрелковой дивизии ставит задачу: сосредоточиться в деревне Гульцово и скрытным марш-броском, пользуясь разрывом в линии фронта, достигнуть деревни Хлуднево, внезапно ударом с юга совместно с подразделениями 328-й стрелковой дивизии выбить из этого опорного пункта противника. По данным разведки, немецкий гарнизон здесь был немногочисленным — до взвода пехоты и минометы. Через Хлуднево лежал большак на Сухиничи, и эта дорога имела важнейшее значение — по ней запитывался грузами полуокруженный сухиничский гарнизон немцев.

Перед маршем Лазнюк принял решение: так как гарнизон в Хлудневе небольшой, сформировать ударную группу из 27 человек, остальным занять оборону в Гульцеве и ждать их возвращения. Лазнюк оставил тех, кто был простужен и сильно кашлял, кто был ранен и не ушел в санчасть.

Командир повел ударную группу к Хлудневу. На промежуточном рубеже у деревни Которь сделал короткой привал. Лазнюк выслал вперед разведку. Разведчики вскоре вернулись и доложили: в Хлуднево до батальона пехоты, минометы и четыре танка. Но атаку отменять было нельзя: роты 328-й стрелковой дивизии, согласно разработанной операции, уже должны были занимать исходные для наступления на опорный пункт с фронта. Согласовать с ними отмену атаки не было никакой возможности.

В полночь на 23 января бесшумно подошли к Хлудневу. Бесшумно сняли часовых. Бесшумно рассредоточились по заранее намеченным позициям. По сигналу одновременно в разных концах села забросали гранатами дома, в которых ночевали немцы. Большие и внезапные потери вначале ошеломили противника. Пулеметным огнем омсбоновцы отсекали танкистов, бросившихся к своим боевым машинам. Танки вскоре запылали — их забросали гранатами и бутылками с горючей смесью.

Все началось удачно. Но вскоре в село начала входить моторизованная колонна, которая на момент начала боя уже была на марше. Немцы блокировали село и начали сжимать кольцо. Окруженные омсбоновцы какое-то время надеялись на помощь 328-й стрелковой дивизии. Но ее подразделения так и не вышли на рубеж атаки.

В неравном бою омсбоновцы уничтожили до ста солдат и офицеров противника. Последним, кто продолжал вести огонь, был боевой товарищ Семена Гудзенко

Лазарь Паперник. Когда немцы подошли вплотную, он вытащил чеку из последней гранаты и разжал скобу...

В живых из группы Лазнюка остались только пятеро. Сам Лазнюк — тяжело раненный в ходе боя. Его вытащили оврагом двое товарищей. Еще двое, принятые немцами за убитых, ночью уползли из Хлуднева той же спасительной лоциной.

За проявленное мужество и героизм двадцать два погибших бойца ОМСБОНА посмертно награждены орденами Ленина. Вынесшие из боя раненого командира А.П. Кругляков и Е.А. Ануфриев — орденами Красного Знамени. Командир отряда Кирилл Захарович Лазнюк — орденом Ленина. Замполитрука Лазарю Папернику присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Сохранилось письмо Лазаря Паперника родным: «Привет с фронта. Здравствуй-те, мои дорогие! Как я соскучился по вас. Наступила передышка, решил написать несколько строк о себе. Жив, здоров, всем доволен. Вчера дали фрицам так, что памятно им будет надолго. Тем, кто уцелел. А многие так и остались бесславно на снежном поле. На этот раз я бил из снайперской винтовки. Командир похвалил, говорит, хорошо получилось, больше сотни фашистов нашли себе могилу только от нашего взвода. Будем истреблять их беспощадно. Слушайте сообщения Совинформбюро, читайте газеты о наших делах. Мы научились бить врагов! Каждый воин НКВД — это мастер своего дела... В нашей бригаде были журналисты и писатели, писали о нашем подвиге. Читайте газеты... До свидания, крепко целую всех вас. Лазарь».

Весть о гибели товарищей Семен Гудзенко узнал в Козельске.

В конце января 1942 года войска 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского вошла в Сухиничи.

4

Наступил 1943 год. Обстановка на фронтах стала заметно меняться в нашу пользу.

Семен Гудзенко работал военным корреспондентом газеты Степного фронта «Суворовский натиск». Публиковал в газете не только статьи и корреспонденции, но и стихи.

Газета «Суворовский натиск» начала выходить в конце мая 1943 года. Вскоре войска Степного фронта под командованием И.С. Конева в ходе Курской битвы от обороны перешли в наступление, освободили Белгород и Харьков, устремились к Днепру. Степной фронт был преобразован во 2-й Украинский.

Начался заграничный поход Красной Армии.

Странички из дневника:

«Венгрия. 28 декабря 1944.»

Ракоци — район фашистский. Старый мадьяр с шестого этажа бросил гранату, убил 10 офицеров.

Наш конвойр один ведет 1000 румын. Он пьян. Один румын берет его автомат, двое ведут его за руки. (Ну, чем ни Швейк с конвоирами?)

19 февраля 1945.

Привыкаешь ко всему: в Будапеште уже не волнует, что первые дни не давало уснуть, о чем только в книгах читал в России. Вся экзотика узких переулков, неожиданных встреч с итальянскими и шведскими подданными, монастыри, кино и церкви надоели солдатам, которые как-то этим интересовались. Нам хочется домой. Пусть даже там нет такого комфорта. И на это уже плюют. Хотя раньше с завистью смотрели на белизну ванных комнат, на блеск полов, на массивность

или легкость мебели. Хочется всем домой, пусть в нетопленную комнату, пусть без всяких ванн комнат, но в Москву, Киев, Ленинград. Это тоска по родине.

21 февраля 1945.

В Кишпеште смотрел американский ковбойский фильм. Стрельба. Убийство. Страшная сука. А зал в бешеном восторге. Я не досидел. Видно, мы воспитаны на более умном и мудром искусстве.

Мадьяр — молодой, здоровый, в шляпе, с дешевым перстнем. Говорит на ломаном русском. Как-то шутя спросил: “Есть ли в Будапеште ресторан?” Он ответил: “Нет. А в Москве есть”. — “Откуда знаешь?” — “Я из Москвы только четвертый день”. Я совсем остолбенел.

Дальше рассказал он, что был взят под Старым Осколом в 1943-м, сидел в лагере в 40 км от Москвы, был в Горьком и Шапове. Жалуеться, что в Венгрии плохо, что в лагере он получал 750 граммов хлеба, а тут четвертый день ничего не ест. Приехал он в армию, хочет драться с немцами. Вот уже и история.

В Европе солдат привыкает к чистоте, к хорошему белью, к духам. Это, конечно, о тех днях, когда идут бои в больших городах. Но на пути каждого солдата был или будет один город, где он еще познает прелести и гнусности Европы. Для меня таким городом стал Будапешт. С неизвестностью, монахами, всепоглощающей торговлей, проститутками, быстротой восстановления и пр. и т.п.»

Записи Семена Гудзенко лаконичные, но емкие. И так выпукло и зримо предъявляют нам картины войны и только что наступившего мира, что невозможно оторваться.

«29 марта 1945.

Собачонки всех мастей, но все карликовые. Шоферы давят их безбожно. “Та разве то собака, то ж мышка”, — сплюнув, говорит водитель.

Во всех квартирах канарейки. Основная работа престарелых дам: подыскивание самцам самок у соседей. Этим, птичьей любовью, они копируют свою, ушедшую и не такую красивую.

Мой хозяин — бывший кельнер. У него медали за прошлую войну. Мне он говорит, что бил в 1914 году итальянцев, а немцам, наверное, хвастал, что бил русских.

В Буде немцы. Артбатарея. Из окон видны солдаты на том берегу. Лед. Полыньи. Красные парашюты. Немцы сбрасывают своим жратву и гранаты. Внизу открытые настежь магазины. Бери что хочешь. Подхожу к артиллеристу. Смотрю, что он взял: один кусок мыла, флакон одеколona, сигареты. Взял, что нужно, а больше не берет».

Никогда я не забуду,
сколько буду на войне,
взбудораженную Буду,
потонувшую в огне.

И обломки переправы,
и февральский ледоход,
и Дуная берег правый,
развороченный, как дзот.

И багровое на сером —
пламя в дымных этажах.
И того, кто самым первым
был в немецких блиндажах.

И снова из фронтовой записной книжки поэта и военного корреспондента Семена Гудзенко:

«Брно. 26–28 апреля 1945.

Лежат убитые немцы. Никто их хоронить не хочет, они прикрыты забором.

Трупы наших солдат. Один по пояс виднеется из окопа. Рядом связка гранат.

На груди знак “Гвардия”. В кармане фото и документы. Мозговой, 1924 г.р., кандидат ВКП/б/ с 1944, награжден двумя медалями “За отвагу” и орденом Красной Звезды. Был почти всюду. На войне с 1942.

Немцев было много. Они бежали. Лангер остался. Он поражен, что его не трогают. На второй день уже недоволен тем, что солдат взял у него пустой чемодан. Жалуется.

2 мая 1945.

Есть извещение, что умер Гитлер. Это никого не устраивает. Каждый хотел бы его повесить. <...>

Ночь на 9 мая 1945.

С трудом добираемся до Елгавы. Здесь утром были немцы. По пути встречаем много немцев — колоннами и группками. Нет конвоя. Они кланяются, на них не обращают внимания.

Говорят, что Прагу защищают власовцы. Говорят, наоборот, что они восстали против немцев. Одно известно, что есть очаги сопротивления.

Очень не хочется погибнуть в День Победы.

А навстречу везут раненых.

Киев 29 мая 1945.

Когда мы узнали о конце войны, каждый больше всего боялся умереть. Жизнь после войны солдаты берегут еще сильнее. Сейчас очень многие хотят демобилизоваться — находят какие-то старые болезни, ездят на рентген, стонут и кричат. А еще две недели назад они были бодрыми и подтянутыми офицерами. Все это не страшно. Пусть хитрят — они победили.

Опять снилась Москва».

И вот они, не погибшие, не сгинувшие на войне поэты, писатели, драматурги и сценаристы, стали возвращаться домой.

Послевоенная жизнь Семена Гудзенко была наполнена творчеством. Он признан. Почти каждый год выходят его книги.

Личная жизнь тоже устроилась. Женился на дочери генерала А.С. Жадова Ларисе. По образованию Лариса Алексеевна была искусствоведом. В 1951 году у них родилась дочь Катя. Жили они в элитном доме, так называемом Доме Моссельпрома.

Историк литературы Илья Фаликов в одном из своих исследований пишет: «Рассказывают, в Доме Моссельпрома, населенном важными людьми, в основном военачальниками, после войны обитал поэт Семен Гудзенко, который был женат на чьей-то высокородовитой дочке из этого дома, и когда поэт за полночь приходил в подпитии, его туда не пускал милиционер, постоянно стерегущий драгоценный подъезд.

Образ поэта в чистом виде. Его положение в мире, под звездным ночным небом».

Тот же Фаликов: «Любопытный факт. Признание догнало фронтовиков через десятилетия после их поэтического начала. Симонов и Твардовский — звезды войны во время войны. На тот небосклон, как исключение, сразу после войны был допущен из молодых только Семен Гудзенко, пожалуй. Его сверстники созрели долго и свое лучшее создали годы и годы спустя».

После войны Семен Гудзенко какое-то время работал в военных газетах. Ездил по стране. Много выступал с чтением стихов в дальних гарнизонах. В те годы большинство офицеров были фронтовики, и поэта военного поколения везде встречали с особой теплотой. Выступал и в Москве.

Литературовед Виктор Афанасьев вспоминал, как они, московские мальчишки, увлеченные литературой и рассказами о подвигах героев Великой Отечественной войны, стремились попасть на выступления поэтов-фронтовиков в 1945 году: «Пришли с фронта поэты: Семен Гудзенко, Марк Максимов, Виктор Урин, Александр Межиров, Вероника Тушнова, Николай Старшинов, Юлия Друнина и другие. Все в военной форме, молодые. В Москве начались незабываемые вечера поэзии, на которые народ просто ломился. И вот мы собираемся стайкой в Колонном зале Дома Союзов или в Политехническом. Денег у нас нет. Сидим у входа и ждем, когда появятся поэты. Мы знаем, что всех добрее — Семен. И вот он идет. Мы к нему: “Семен, проводи нас! Попроси контролершу”. — “А что, вы не стихотворцы ли? Вот ты, стихи пишешь?” — спрашивает он меня. “Да”. — “Садись, сочини четверостишие”. В страшном волнении сажусь, сочиняю. Он прочитал и говорит: “Все ясно, поэт... Пошли!” Он ведет всех нас и с улыбкой басом говорит контролерше: “Пропустите! Поэты!”»

В сентябре 1951 года стала донимать старая контузия. Вернулись головные боли. Врачи поставили диагноз: опухоль головного мозга. Две операции не принесли ни избавления от болей, ни, тем более, исцеления.

Семен Гудзенко умер зимой 1953 года на 31-м году жизни в институте нейрохирургии имени Н.Н. Бурденко. Последние стихи продиктовал, лежа в постели, уже не силах держать карандаш.

Молодая вдова Лариса Алексеевна вторым браком вышла за Константина Симонова. Симонов удочерил дочь Семена Гудзенко Катю и всю жизнь бережно заботился о ней. Екатерина Семеновна Симонова-Гудзенко стала известным ученым, специалистом по истории и культуре Японии.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед,
за мной одним идет охота.
Будь проклят сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.

Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

1942

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Действующая армия, 1943-1944.

* * *

Я в гарнизонном клубе за Карпатами
читал об отступлении, читал
о том, как над убитыми солдатами
не ангел смерти, а комбат рыдал.

И слушали меня, как только слушают
друг друга люди взвода одного.
И я почувствовал, как между душами
сверкнула искра слова моего.

У каждого поэта есть провинция.
Она ему ошибки и грехи,
все мелкие обиды и провинности
прощает за хорошие стихи.

И у меня есть тоже неизменная,
на карту не внесенная, одна,
суровая моя и откровенная,
далекая провинция — Война...

Стихи и баллады. — М.: Молодая гвардия, 1945.

Дальний гарнизон. — М.: Гослитиздат, 1953.

Стихи и поэты. — М.: Воениздат, 1956.

Избранное. Стихи и поэма. — М.: Советский писатель, 1957.

Стихотворения. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.

Армейские записные книжки. — М.: Советский писатель, 1962.

Завещание мужества. — М.: Молодая гвардия, 1971.

Стихи слагались на ходу... — М.: Молодая гвардия, 1990.

НАГРАДЫ

Трудовые

Медаль «За трудовую доблесть».

Боевые

Орден Отечественной войны 2-й степени.

Орден Красной Звезды.

Медаль «За оборону Москвы».

Медаль «Партизану Великой Отечественной войны».

Медаль «За взятие Вены».

Медаль «За взятие Будапешта».

Медаль «За освобождение Праги».

Глава одиннадцатая

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

«ПЕЛ ОН УСТАЛО И ГРУСТНО...»

1

Алексей Иванович Недогонов родился 19 октября 1914 года в городе Александровск-Грушевский, ныне город Шахты Ростовской области, в семье рудничного кузнеца. Семья Недогоновых была большой. В 1918 году отец Алексея Иван Недогонов погиб на гражданской войне. Стало очевидным, что матери одной всех детей не прокормить, и Алексей, как писал исследователь его творчества и биограф Константин Поздняев, «берет в руки шахтерский обушок и становится опорой семьи. Плотник и крепильщик, ремонтник и врубмашинист — вот те профессии, которые он освоил, придя на производство. Было это в годы первой пятилетки. Молодежь работала со всем жаром сердца, с огромным энтузиазмом. Недогонов находился в первых ее рядах».

После в автобиографии он не без гордости скажет: «Я и впрямь становился шахтером, совсем таким, как батя».

В Москву он приехал в 1932 году. Устроился работать на один из заводов. Поступил на рабфак. Одновременно начал посещать заседания заводского литературного кружка. Литературная жизнь в те годы в Москве буквально была ключом!

В том же 1932 году в заводской многотиражке Алексей Недогонов опубликовал свое первое стихотворение «Будь начеку». Как точно заметил Константин Поздняев, уже в этих ученических и наивных стихах чувствовалась «мобилизационная собранность, готовность побороть любые трудности».

Через два года, в 1934 году, Алексей поступил в Литературный институт им. А.М. Горького на вечернее отделение. Днем — завод, вечером — учеба в институте, о котором давно мечтал. Много читал. Много писал. Руководители семинара и наставники — Владимир Луговской, Михаил Светлов, Илья Сельвинский, Алексей Сурков, Лев Тимофеев.

С 1938 года стихи Алексея Недогонова начинают появляться на страницах столичных журналов и газет. Его печатают журналы «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Смена», «Огонек», газета «Комсомольская правда».

Осенью 1939 года добровольцем вместе с группой своих товарищей из поэтического цеха ушел на фронт советско-финляндской войны. Его зачислили рядовым в один из батальонов 241-го полка 95-й стрелковой дивизии. Весной 1940 года дивизия штурмовала Выборг, имела большие потери. В список санитарных потерь попал и красноармеец Алексей Недогонов.

2

После госпиталя вернулся в Литинститут. Но окончить полный курс снова не удалось. Летом 1941 года явился в военкомат с просьбой зачислить добровольцем и направить в действующую армию на фронт.

В автобиографии Алексей Недогонов написал о военном периоде очень скупое: «В Красной Армии был с 1939 года до мая 1946 года. <...> В Отечественную войну работал специальным корреспондентом армейской, затем фронтовой газеты «Советский воин» (3-й Украинский фронт). <...> Раннее увлечение Некрасовым и Надсоном наложило свой отпечаток на мои первые стихи. Только непосредственное общение с людьми двух последних войн помогло мне отойти от надсоновских мотивов и настроений. За две войны, которые я прошел как солдат и журналист, мне пришлось ступить на землю восьми государств. Много я пережил, видел и слышал. О многом буду писать. Но больше всего — о главном: о человеке...»

Эти строки Алексей Недогонов написал за год до своей гибели. Война у него оказалась долгой. Вначале — в армейской газете «За нашу победу» 1-й гвардейской армии Западного фронта, потом — во фронтовой газете «Советский воин» 3-го Украинского фронта. Отслужил год и после войны.

Вместе с наступающими войсками 1-й гвардейской армии, а затем 3-го Украинского фронта под командованием маршала Ф.И. Толбухина он прошел по землям Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. География этого похода отразилась и в боевых наградах, и в стихах. В стихотворении «Партизан возвращается домой», почти репортажном, Алексей Недогонов писал о солдате партизанской армии маршала Тито:

Пел он устало и грустно
(шел он походкою тяжелой,
в правой руке карабин,
в левой руке цветы):
«Милая мама,
слезы твои
горячее пули усташской,
я пулю скорее приму,
чем видеть, как плачешь ты...»

Или другое:

Алексей Недогонов

...Не забуду я,
не забуду,
помнить до смерти мне дано:
танки, рвавшие за Буду,
к Эстергому,
на Комарно,
интендантскую лихорадку
со снабжением на бегу,
и саратовскую трехрядку
в Будафоке,
на берегу,
и немецкого контрудара
бронированные толчки
к переправе Дунафельдвара —
в направлении Дунай-реки,
поредевшие наши роты,
наши танковые полки,
их внезапные повороты
и стремительные броски.

3

Из наградного листа: «...Гвардии капитан НЕДОГОНОВ — молодой поэт, сделавший для газеты “Советский воин” за короткий срок столько, сколько не сделали для нее другие писатели, работавшие в газете более года.

Тов. НЕДОГОНОВ ведет рубрику “Веселый разговор”, оперативно откликается на все значительные события, часто помогает секретариату в технической подготовке материала военкором к печати и нередко бывает занят другой черновой работой, способствуя этим процессу выпуска газеты.

Ведет большую переписку с начинающими поэтами и писателями. Много раз выступал со своими произведениями перед ранеными, находившимися на излечении в госпиталях.

Работник, который не знает ни усталости, ни “отсутствия творческого настроения”, беззаветный и любимый коллективом газеты труженник.

Правительственная награда, которой достоин тов. НЕДОГОНОВ, обрадует весь коллектив.

Ходатайствую о награждении тов. НЕДОГОНОВА орденом Красной Звезды. Ответственный редактор газеты “Советский воин” гвардии подполковник ФИЛИППОВ.

22 марта 1944 г.»

Из наградного листа: «...Тов. НЕДОГОНОВ — очень трудолюбивый работник. Он много сделал для газеты, участвуя в отделе “Веселый разговор”. Напечатал в газете целый ряд своих стихотворений. Часто выступал с острыми политическими стихами — подписями под карикатурами. Много работал и работает над “отшлифовкой” для газеты стихов, присылаемых в редакцию военкорами. Ведет с ними большую творческую переписку.

Выезжая в части, обеспечивает газету оперативным материалом.

Талантливый и растущий молодой поэт, он подготовил к печати книгу своих стихов и книгу стихов поэтов-фронтовиков, и, несомненно, будет очень полезен в популяризации боевых действий 3-го Украинского фронта.

Тов. НЕДОГОНОВ достоин награждения орденом Отечественной войны 2-й степени.

Ответственный редактор газеты “Советский воин” гвардии подполковник ФИЛИППОВ.

21 июля 1945 г.»

Неизвестно, вышла ли книга поэтов-фронтовиков. Видимо, нет. Рукопись лежит где-нибудь в архиве газеты 3-го Украинского фронта «Советский воин».

Сборник, составленный Алексеем Недогоновым еще на фронте, при жизни поэта тоже не увидел свет.

В Союз Писателей СССР Алексей Недогонов принят в 1946 году. По журнальным и газетным публикациям.

Дружил с Семеном Гудзенко, Сергеем Наровчатовым, Михаилом Лукониным. В Москве на поэтических вечерах и в пивнушках их часто видели вместе.

В журнале «Новый мир» в одной из книжек 1947 года вышла первая часть поэмы «Флаг над сельсоветом». Поэма была бурно и восторженно принята и читателями, и критикой. Вскоре ее выпустили в библиотечке «Огонек». Стотысячный тираж был отпечатан в правдинской типографии им. Сталина. А через год, в 1948-м, «Флаг над сельсоветом» вышел в Костромском областном издательстве тиражом 15 000 экземпляров.

Алексей Недогонов трагически погиб 13 марта 1948 года. Его сбил трамвай. От полученных ран он скончался. Похоронен на Ваганьковском кладбище неподалеку от могилы Сергея Есенина.

4

«Флаг над сельсоветом» — поэма о послевоенной деревне, о поколении крестьян, вынесшем на своих плечах и войну, и разруху и сумевшем восстановить хозяйство и накормить своим трудом и деревню, и сирот, и всю страну. Широко известна ставшая крылатой строка из этой поэмы: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...»

Любил поэзию Николая Тихонова и Александра Твардовского.

Тихонов отразился в балладах.

Любовь к Твардовскому обернулась курьезом: долгое время фразу: «Из одного металла льют...» приписывали Александру Трифионовичу. Это выплывало и в прессе, и на радио, и на ТВ. Особенно любили эту фразу чиновники, увешанные орденами...

Говорят, в день гибели Алексей Недогонов получил верстку своей первой полноценной книги стихотворений и поэм. В момент гибели он держал верстку в руках. Книга выйдет вскоре, но уже посмертно, в издательстве «Молодая гвардия» под названием «Простые люди» тиражом 10 000 экз. Редактировал книгу литинститутский мэтр Алексея Недогонова Павел Антокольский. В сборник вошли двадцать одно стихотворение и поэма «Флаг над сельсоветом».

Удивительное дело, при жизни поэт не имел ни одной полноценной книжки, а после смерти сборники буквально посыпались — из Сталинградского книжного издательства, из Хабаровского Дальгиза, из Госиздата Карело-Финской ССР (г. Петрозаводск). В 1949 году под редакцией Константина Симонова вышла большая книга стихотворений и поэмы в «Советском писателе». Тираж — 25 000 экз.

На родине поэта в городе Шахты школа № 23 носит его имя.

Земляки в 2009 году учредили общественную литературную премию им. Алексея Недогонова.

ВЕСНА НА СТАРОЙ ГРАНИЦЕ

Александру Лильеру

В лицо солдату дул низовый,
взор промывала темнота,
и горизонт
на бирюзовый
и розовый менял цвета.

Передрассветный час атаки.
Почти у самого плеча
звезда мигала, как во мраке
недогоревшая свеча.

И в сумраке, не огибая
готовой зареветь земли,
метели клином вышибая,
на Каму плыли журавли.

Сейчас рассвет на Каме перист,
лучист и чист реки поток,
в ее низовьях — щучий нерест,
в лесах — тетеревиный ток.

Солдат изведаль пулевые,
веселым сердцем рисковал,
тоски не знал, а тут впервые,
как девочка, затосковал.

Ему б вослед за журавлями —
но только так, чтобы успеть,
шумя упругими крылами,
к началу боя прилететь...

Возникнуть тут, чтоб отделение
и не могло подозревать,
что до начала наступления
солдат сумел одно мгновенье
на милой Каме побывать...

Вдруг — словно лезвие кинжала:
вдоль задремавшего ствола
мышь полевая пробежала,
потом рукав переползла.

Потом... свистка оповещенье.
Потом ударил с двух сторон
уральский бог землетрясения —
стальных кровей дивизион!

Взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля,
в дыму трава.
Пред гребнем бруствера —
Европа,
за гранью траверса —
Москва!

1944 г.

ПОБЕДИТЕЛИ

Взвод на взвод — столкнулись и схватились.
В ход пошли кинжалы и штыки.
Немцы, словно черти, крепко бились,
крепче немцев бились моряки.

Мертвые и те в атаке страшной
падали, верша вперед бросок.
Два часа кровавой рукопашной:
зубы — в глотку, кортик — под сосок.

Глуше битва,
Реже лязг металла.
Остаются двое на песках.
Немец и моряк. Дыша устало,
сходятся они. Ножи в руках.

И безмолвны,
медленны
и яры,
зубы сжав до боли,
над собой
скрещивают тяжкие удары...

Сорок третий.
Керчь.
Десантный бой.

Рассказало поле роковое:
в схватке все до одного легли.
Только русских
было меньше вдвое —
моряки четвертый бой вели.
Одесса, июнь 1944 г.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

В далекой России,
в деревне под самой Калугой
(картина такая в его отразилась глазах),
вдоль тына,
тропинкой, слегка припорошенной вьюгой,
из школы мальчишка
в отцовских бежит сапогах.

Он входит в избу.
Раздевается. И деловито
хлопочет в избе.
А работушки — тьмуцая-тьма!
И все у него
не забыто, сколочено, сбито:
отца-то ведь нет.
Без хозяина третья зима.

Он трижды под вечер
письмо начинает. И снова
садится за стол,
за который садился отец:
все хочет ребенок
порадовать папу родного,
что он уже в доме
помощником стал наконец.

Кто радость ребенка,
что так глубока и так свята,
кто может понять ее —
мальчика нежно обнять?..
Я в Сербии встретил
в морщинах и шрамах солдата,
который бы смог
эту детскую радость понять.

Он был молчалив.
В нем тоска была жгучая скрыта
по родимой семье,
за которую он на войне
ходил в штыковую
с солдатами маршала Тито
на зимних планинах
в непокоренной стране.

Он верил, что будет он
с милою Родиной вместе,
что он, агроном,
неудачно начавший войну, —
крестьянин Титов,
калужанин, пропавший без вести, —
вернется домой
и обнимет детей и жену.

1944 г.

РОСА БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Две войны я протопал в пехоте
под началом твоим, Аполлон.
Я изведал атаки в болоте,
и кровавые нары в санроте,
и мучительный музы полон.

Не пришлось мне о пулю споткнуться.
Видно, писано мне на роду —
дважды выжить
и дважды вернуться
под свою молодую звезду.

Я, умытый росой спозаранку,
музе гнева не ставлю в вину,
что рубаху надел наизнанку
перед тем, как идти на войну.
1947 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Флаг над сельсоветом. — М.: «Правда» (Библиотечка «Огонек», № 15), 1947.
Флаг над сельсоветом. — Кострома: Костромское областное издательство, 1948.
Простые люди. — М.: Молодая гвардия, 1948.
Флаг над сельсоветом. — Сталинград: Сталинградское областное издательство, 1948.
Флаг над сельсоветом. — Хабаровск: Дальгиз, 1948.
Избранное. — М.: Советский писатель, 1949.
Флаг над сельсоветом. — М.: Гослитиздат, 1949.
Флаг над сельсоветом. — Петрозаводск: Госиздат К.Ф. ССР, 1949
Флаг над сельсоветом. — М.: Гослитиздат, 1951.
Флаг над сельсоветом. — М.: Советский писатель, 1952.
Избранное. — М.: Молодая гвардия, 1953.
Избранное. — Ростов-на-Дону, Ростовское книжное издательство, 1954.
Избранное. — М.: Советский писатель, 1955.
Стихи и поэмы. — М.: Воениздат, 1957.
Избранное. — М.: ГИХЛ, 1958. (С предисловием Сергея Васильева).
Стихи. — М.: «Правда» (Библиотечка «Огонек», № 40), 1948.
Возвращение. — М.: Советский писатель, 1959.
Стихотворения. — М.: ГИХЛ, 1960. (Серия «Библиотека советской поэзии».)
Лирика. — М.: Советская Россия, 1963. (С предисловием Константина Позднеева).
Лирика. — М.: Художественная литература, 1963. (С предисловием В. Тельпугова).
Избранная лирика. — М.: Молодая гвардия, 1967. (Серия «Библиотечка избранной лирики».)
Встречное дыхание. — М.: Молодая гвардия, 1974.
Дорога моей земли. Стихи. — М.: «Современник», 1975. (Серия «Библиотека поэзии «Россия».)
Избранное. — М.: Художественная литература, 1977.
Троянов вал. — М.: Советская Россия, 1978. (Серия «Подвиг».)
Елка. Стихи для детей. — М.: Малыш, 1979.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

- Сталинская премия 1-й степени за поэму «Флаг над сельсоветом». 1948 год. Посмертно.
Орден Отечественной войны 2-й степени.
Орден Красной Звезды.
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»
Медаль «За взятие Будапешта».
Медаль «За взятие Вены».
Медаль «За освобождение Праги».

Глава двенадцатая

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

«СЛОВНО СМОТРИШЬ В ВИНОКЛЬ ПЕРЕВЕРНУТЫЙ...»

Без книг Константина Симонова военную литературу представить невозможно. Да и сама история Великой Отечественной войны без фронтового корреспондента газеты «Боевое знамя» и «Красной звезды» К. Симонова, без его очерков, корреспонденций и стихотворений на страницах «Правды» и «Известий» стала бы неполной.

В военной литературе — в прозе, поэзии и драматургии — он всегда был и во многом остается эталоном. Для всеобщего признания ему не хватало и не хватает чуть-чуть. Чего же не хватает? Дело в том, что в свое время — а время было сложным — Симонов активно участвовал в кампаниях против «космополитов», против Сахарова и Солженицына, с негодованием клеймил Пастернака, когда скандальный роман «Доктор Живаго» вышел за рубежом. И не только партийный долг понуждал его к этому, но и твердая гражданская позиция, убежденность в правоте своих поступков.

Судьба Константина Симонова тоже была частью войны.

1

Родился в Петрограде 15 ноября 1915 года в дворянской семье.

При рождении получил имя Кирилл. Но впоследствии поменял его на Константин. Хотя мать до конца жизни называла его крещеным именем. Почему поменял имя? Потому что не выговаривал звуки «р» и «л». Картавость, как пишут биографы, возникла в раннем детстве после того, как он лизнул острое ножа.

Отец, Михаил Агафангелович, — выходец из дворян Калужской губернии, выпускник Императорской Николаевской академии, участник Первой мировой войны, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». Дослужился до генерал-майора. Воевал и в гражданскую. Следы его затерялись в 1922 году в Польше. Такого родителя советскому писателю иметь было не просто опасно, а невозможно. Вот почему Константин Симонов никогда и нигде не упоминал о своем отце, генерале царской, а затем Белой армий.

Однако об отце будущего писателя стоит рассказать особо. Михаил Агафангелович родился в 1871 году под Калугой в семье мелкопоместных дворян, обедневших после крестьянской реформы. Восемнадцати лет от роду окончил Орловский кадетский корпус. Затем, уже твердо решив стать военным, окончил вначале 3-е Александровское училище, а потом курс Николаевской академии Генерального штаба. Во время Первой мировой войны — на фронте. А до этого прошел все ступени офицерской карьеры от командира пехотной роты до начальника штаба корпуса. К 1907 году он уже имел чин полковника. В 1913 году получил в командование 12-й пехотный Великолуцкий полк. В том же году женился на княжне Александре Леонидовне Оболенской, выпускнице Смольного института, дочери действительного статского советника Леонида Николаевича Оболенского, служившего тогда директором Юго-Восточной железной дороги. Старший брат жены, Николай Леонидович Оболенский, — Курский и Харьковский губернатор. В 1917 году, уже будучи Ярославским губернатором, был арестован большевиками, но вскоре выпущен и, пользуясь временной свободой, успел уехать во Францию. Жил и умер в эмиграции.

Сын писателя, Алексей Кириллович Симонов, пояснял эту историю так: «Дело в том, что мой дед, Александр Григорьевич Иванишев, не был родным отцом моего отца. Константин Михайлович родился у бабки в первом браке, когда она была замужем за Михаилом Симоновым, военным, выпускником Академии Генштаба, в 1915 году получившим генерал-майора. Дальнейшая его судьба долго была неизвестна, отец в биографиях писал, что тот пропал без вести еще в империалистическую войну, затем и вовсе перестал его поминать. <...> я нашел письма бабки начала 1920-х годов ее сестрам в Париж, где она пишет, что Михаил обнаружился в Польше и зовет ее с сыном к себе туда. У нее в это время уже был роман с Иванишевым, да, видимо, было и еще что-то в этих отношениях, что не позволило их восстановить. Но фамилию Симонов бабка все же сыну сохранила, хотя сама стала Иванишевой».

Генерал М.А. Симонов во время гражданской войны какое-то время служил при штабе 5-й армии Северного фронта. После подписания Брестского мира, по слухам, был в германском плену. Но уже в 1919 году числился среди активистов Российского Общественного Союза, затем вступил в Русский комитет в Варшаве. Занимался вербовкой русских эмигрантов, в основном офицеров и низших чинов, для отправки на юг, где собирались силы белой гвардии. Сотрудничал с Борисом Савинковым. После развала эмигрантских структур преподавал математику и физику в русской гимназии в Варшаве. Из Варшавы он и написал письмо жене и сыну.

Александра Леонидовна в 1919 году из Петрограда уехала в Рязань, где познакомилась с бывшим полковником Русской армии А.Г. Иванишевым. Тот преподавал в военном училище тактику. Позже получил звание и полевую должность в РККА. Началась жизнь

в гарнизонах, в военных городках. Так что быт, нравы и характер военной службы Кирилл Симонов впитал с детства и достаточно, чтобы потом о войне и военных писать точно и глубоко. Воспитывал его отчим, по-мужски и по-отечески строго. Иванишев привил ему и любовь к армии и ко всему, что связано с военной службой. Кирилл Симонов потом с благодарностью посвятит ему поэму «Отчим».

Константин Симонов

2

В Рязани Симонов пошел в школу. Семилетку заканчивал уже в Саратове, куда вскоре перевели краскома Иванишева. После школы поступил в одно из фабрично-заводских училищ (ФЗУ), получил профессию токаря и пошел работать на завод.

В 1931 году Иванишева направили для дальнейшего прохождения службы в Москву. Кирилл Симонов поступил на работу на авиазавод — по специальности, токарем.

Уже тогда начал писать стихи. Мечтал о поступлении в Литературный институт им. А.М. Горького. Вскоре мечта его осуществилась. Но работу на заводе не бросал, два года совмещал работу и учебу.

В 1934 году как молодой писатель из рабочей среды по командировке Гослитиздата ездил на Беломорканал. Там на великой стройке социализма в то время «перековывали» преступный элемент.

В 1935 году сестер Александры Леонидовны, урожденных Оболенских, власти выселили в оренбургскую степь. Симонов впоследствии признавался: «У меня было очень сильное и очень острое чувство несправедливости совершенного». Обе тетки Симонова там, на поселении, умерли.

В 1938 году окончил Литинститут. Стихи уже печатались в «толстых» журналах — «Октябрь» и «Молодая гвардия». В том же тридцать восьмом году в жизни молодого поэта произошло сразу несколько ярких событий, во многом определивших его будущее: принят в Союз писателей СССР; поступил в аспирантуру Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ); издана поэма «Павел Черный».

А уже в следующем году начались его фронтовые дороги. Направлен на Халхин-Гол в качестве военного корреспондента. Доучиваться в аспирантуру он так и не вернулся. Вообще тридцать девятый год сильно изменил его жизнь. Во-первых, он стал Константином Симоновым. А во-вторых, сомкнулись две линии его творчества: стихи и военная проза, которая рождалась в журналистских, корреспондентских блокнотах, а потом медленно, как это происходило со многими военкорами, начала перетекать в книги.

На Халхин-Голе он познакомился с Георгием Константиновичем Жуковым, в то время комкором, командующим Халхин-Гольской группировкой советско-монгольских войск. В книге «Далеко на востоке» («Халхин-Гольские записки») оставил рельефный и удивительно точный портрет будущего маршала Победы. Симонов, пожалуй, первым разглядел в тогдашнем комкоре железный характер, твердость человека долга и незаурядные полководческие способности. Интересны детали той дальней командировки.

«В июне 1939 года, — пишет Симонов, — к тогдашнему начальнику ПУРа Мехлису пригласили группу, как тогда нас называли, “оборонных” писателей, и он предложил нам поехать в течение лета и осени в командировки в разные части Красной Армии. Все хотели ехать на Халхин-Гол, но послали туда только Славина, Лапина и Харцевина, видимо, как людей, уже знавших Монголию. Они поехали вслед ранее уехавшему туда Ставскому. Мне предстояла осенью поездка на Камчатку, в находящуюся там воинскую часть. Вместо этого во второй половине августа меня вдруг вызвали в ПЕР к Кузнецову (Мехлис, которого он заменял, в это время был на Халхин-Голе) и спросили, готов ли я ехать в Монголию. Я сказал, что готов.

Как сейчас помню, Кузнецов спросил меня:

— Как, ничего не жмет?

Я сказал, что не жмет.

Как выяснилось впоследствии, вызов объяснялся тем, что Ортенберг, редактор газеты армейской группы, действовавшей на Халхин-Голе, телеграфно запросил “одного поэта”.

Когда я сказал, что готов ехать, то выяснилось, что ехать нужно сегодня же, с пятичасовым экспрессом. Происходило все это в час дня. Кое-как успели выписать мне литер и выдать деньги. Обмундирование выдать не успели, сказали, что выдадут на месте.

На пятые сутки я был в Чите, а через сутки уже летел на пассажирском самолете с окошечками в Тамцаг-Булак — тыловой городок, где стоял второй эшелон нашей действовавшей в районе Халхин-Гола армейской группы.

Когда мы летели, летчик вышел из кабины и, обращаясь к нам, сказал, чтобы мы смотрели за воздухом. Я долго смотрел “за воздухом”, не обнаружил в нем ничего особенного, но с удивлением увидел, что все остальные тоже внимательно смотрят “за воздухом”, в котором, видимо, и они ничего такого не замечали. Только впоследствии я выяснил, что фраза “смотреть за воздухом” предполагала наблюдение за тем, не появятся ли японские истребители. Тогда я был далек от такой мысли.

В Тамцаг-Булак прилетели с сумерками, летели туда часа три или четыре над сплошной желто-зеленой степью бреющим полетом; буквально из-под самолета выскакивали стада коз и напуганные шумом гуси и утки.

Тамцаг-Булак оказался городом довольно странного с непривычки вида: в нем было три или четыре глинобитных дома, скорее похожих на сараи, и сотни три малых, больших и средних юрт.

Ночью мне выдали обмундирование, почему-то танкистское, серое, другого, кажется, на мой рост не было. Дали сапоги, пилотку, ремень и пустую кобуру: оружия тоже не было.

Утром кто-то, ехавший в штаб армейской группы на Хамар-дабу, которая была от города километрах в ста с чем-то, обещал завезти меня по дороге в Баин-Бурт — место, где стояла редакция. Утром Тамцаг-Булак выглядел еще непригляднее, чем вечером: кругом была выжженная желто-зеленая степь без конца и края.

Мы ехали, я и впервые видел знакомые только по картинкам миражи: леса и озера передвигались то слева, то справа от нас.

Дороги, собственно, никакой не было: это была простая колея, накатанная по степи, правда, почти на всем протяжении абсолютно гладкая и ровная, только кое-где попадалось полкилометра или километр невыносимой тряски, там, где дорога пересекала полосы солончаков.

А над нашими головами проходили стайками самолеты к фронту.

<...>

Сначала мы поехали в штаб армейской группы на Хамар-дабу. Это была не слишком выдававшаяся над степью возвышенность с довольно крутыми скатами и извилистыми, расходящимися в разные стороны оврагами, вроде балок на Верхнем Дону, только совершенно безлесными. В скаты были врыты многочисленные блиндажи, а кое-где стояли юрты, сверху прикрытые от авиации натянутыми сетками с травой.

Ставский пошел по начальству узнавать, что происходит и куда ехать, а я довольно долго — должно быть, с час — сидел около какой-то юрты, кажется, отдела по работе среди войск противника, в которую за этот час приходили люди с разными трофеями: японскими записными книжечками, связками бумаг и фотокарточек — и оставляли все это в юрте.

Там сидел какой-то равнодушный лейтенант и разбирал все это, откладывая нужное на стол и бросая ненужное на пол. Пол юрты был завален фотографиями. Японцы, как я убедился в этом впоследствии, очень любят сниматься, и почти в каждой солдатской сумке были десятки фотографий: фотографии мужские, женские, фотографии стариков — видимо, родителей, фотографии японских домиков, улиц, открытки с Фудзиямой, открытки с цветущей вишней — все это целым слоem лежало на полу, и проходившие к столу, за которым сидел лейтенант, шагали по всему этому туда и обратно, не обращая никакого внимания на то, что у них под ногами.

Это было мое первое и самое сильное впечатление войны. Впечатление большой машины, большого и безжалостного хода событий, в котором вдруг, подумав уже не о других, а о самом себе, чувствуешь, как обрывается сердце, как на минуту жаль себя, своего тела, которое могут вот так просто уничтожить, своего дома, своих близких, которые связаны именно с тобой и для которых ты что-то чрезвычайно большое, заполняющее огромное пространство в мире, а от тебя может остаться просто растоптанный чужими ногами бумажник с фотографиями.

Тогда, на Халхин-Голе, у меня не было с собой ничьих фотографий, но в 1941 году, когда я взял на фронт фотографию близкой мне женщины, я так и не смог избавиться от этого халхин-гольского воспоминания о юрте с фотографиями на полу и от ощущения жгучей опасности не по отношению к себе самому, а именно по отношению к этой фотографии, лежащей в кармане гимнастерки как частица всего, что осталось дома и что может быть взято и растоптано чужим каблуком.

Через час Ставский пришел, и мы поехали. Он сказал, что поедет на северную переправу, а оттуда — к Песчаной высоте, которую как раз сейчас берут.

По узкому мостику мы переправились через реку Халхин-Гол — ту самую спорную реку, до которой японцы числили свою границу и через которую они переходили еще в июле с намерением окружить всю нашу группу.

Сейчас бои шли довольно далеко за рекой, километрах в восьми. Оттуда слышалась густая артиллерийская канонада.

У переправы, на том берегу, было несколько землянок. Мы зашли в них, не помню зачем, и в это время невдалеке от нас японцы начали бомбить переправу.

Я впервые видел бомбежку. Это показалось мне больше всего похожим на внезапно возникшие на горизонте черные рощи. Потом мы поехали. Японцы опять бомбили, на этот раз близко от нас. Мы остановили машину и полезли в щель. Помню, я испугался, заметался, попал не в щель, а в какую-то воронку, которая, впрочем, показалась мне глубокой и поэтому безопасной. Когда мы вылезли, то Ставский сердился, что я отстал от него, и сказал, чтобы я держался возле него, а потом высмеял меня за то, как я оправдывался: что воронка была ближе и что она была глубокая. Высмеяв мое представление о безопасности, он стал терпеливо объяснять мне, что такое щель, почему ее роют под углом, почему ее роют узкую и почему она безопаснее, чем воронка.

Потом мы опять поехали дальше по степи. Сначала добрались до позиций артиллерийского дивизиона, где орудия стояли под сетками и вели непрерывный огонь по гребню желтой высоты, видневшемуся невдалеке, километрах в трех. Это и была сопка Песчаная.

Но вел огонь не только этот дивизион — вели огонь еще несколько дивизионов, и гребень сопки, немножко впалый, как кратер вулкана, все время вспыхивал разрывами и дымился. Это было похоже на извержение, особенно если смотреть в бинокль. Хотя я знал еще со школьной скамьи разницу между скоростью света и звука, но несоответствие между появлением вспышек на гребне сопки и звуками разрывов бессознательно продолжало удивлять меня весь этот первый день.

От артиллеристов мы перебрались к пехотинцам; это был полк Федюнинского, впоследствии, в Отечественную войну, командовавшего армией, а тогда командира полка. Он был накануне ранен...

<...>

На следующий день мне с Ортенбергом, Лапиным и Харцевичем пришлось быть у Жукова. Ортенберг хотел узнать, насколько реальны, по мнению Жукова, сведения о близком наступлении японцев, на что нам ориентироваться в газете.

Штаб помещался по-прежнему все на той же Хамар-дабе. Блиндаж у Жукова был новый, видимо, только вчера или позавчера срубленный из свежих бревен.

Кстати, о бревнах. Мне рассказывали, что на северном участке фронта, когда понадобились бревна для полевых укреплений на границе, один из эскадронов, стоявший на самом фланге монгольской кавалерийской дивизии, обогнул степями японцев, забрался глубоко в их тыл и, спилив там на одном из участков Хайларской линии полсотни телеграфных столбов, волоком притащил их на наши позиции.

Итак, блиндаж был совершенно новый, очень чистый и добротный сделанный, с коридорчиком, с занавесочкой и, кажется, даже с кроватью вместо нар.

Жуков сидел в углу за небольшим, похожим на канцелярский, столом. Он, должно быть, только что вернулся из бани порозовевший, распаренный, без гимнастерки, в заправленной в бриджи желтой байковой рубашке. Его широченная грудь расправила рубашку, и, будучи человеком невысокого роста, сидя он казался очень широким и большим.

Ортенберг начал разговор. Мы примостились кругом. Жуков отмалчивался. Въедливый, нетерпеливый Лапин стал задавать вопросы. Жуков все продолжал отмалчиваться, глядя на нас и думая, по-моему, о чем-то другом.

В это время вошел кто-то из командиров разведки с донесением. Жуков искоса прочел донесение, посмотрел на командира сердитым и ленивым взглядом и сказал:

— Насчет шести дивизий врте: зафиксировано у нас только две. Остальное врте. Для престижа... Хлеб себе зарабатывают... — сказал Жуков, обернувшись к Ортенбергу и не обращая внимания на командира.

Наступило молчание.

— Я могу идти? — спросил командир.

— Идите. Передайте там, у себя, чтоб не фантазировали, если есть у вас белые пятна, пусть честно так и остаются белыми пятнами, и не суйте мне на их место несуществующие японские дивизии.

Когда офицер вышел, Жуков повторил:

— Хлеб себе зарабатывают. Разведчики. — Потом повернулся к Ляпину и сказал: — Спрашиваете, будет ли опять война?

Борис заторопился и сказал, что это не просто из любопытства, а что они с Харцевичем собираются уезжать на Запад в связи с тем, что там, на Западе, кажется, могут развернуться события. Но если здесь, на Востоке, будет что-то происходить, то они не уедут. Вот об этом он и спрашивает.

— Не знаю, — довольно угрюмо сказал Жуков. И потом повторил опять: — Не знаю. Думаю, что они нас пугают. — И после паузы добавил: — Думаю, что здесь ничего не будет. Лично я думаю так.

Он подчеркнул слово “лично”, словно отделяя себя от кого-то, кто думал иначе”.

Читать эти записки — все равно что разглядывать старые, довоенной и военной поры фотографии. Или смотреть военную кинохронику. Бегло, схематично, местами постановочно, почти по шаблону того времени, но оторваться невозможно.

После возвращения из Монголии Симонов написал поэму «Далеко на востоке». В издательстве «Советский писатель» она целиком вышла отдельным изданием в 1939 году. Халхин-Гольские записки под тем же названием писались много позже. Удивительно, но стихи шли вперед. Такое было время. И такой была литература.

Уже тогда, во время первых боев, в газетных корреспонденциях, стихах и просто в блокнотных записях впрок писатель обрел то *жестокое зрение* военного человека, которое и поможет ему создать и «Живые и мертвые», и «Разные дни войны», и «Глазами человека моего поколения», и поэтические шедевры военной лирики.

С самого начала Симонов был многостаночником. Стихи, проза, пьесы, публицистика.

В 1940 году вышла пьеса «История одной любви». Постановку пьесы осуществил московский театр им. Ленинского комсомола. Через год вышла другая пьеса — «Парень из нашего города». Впоследствии она была удачно экранизирована.

Перед самой войной Симонов, в то время уже известный писатель и драматург, окончил годичные курсы военных корреспондентов при Военно-политической академии и получил звание интенданта второго ранга.

Вместе со всей страной, вместе с РККА молодой писатель готовился к войне. Войной уже не просто пахло, она уже шла на востоке и на западе, чадила подбитыми танками и неубранными труппами на полях сражений.

В июне сорок первого запылали города и деревни Советского Союза. Враг влопился в пределы страны, начал теснить и терзать части и соединения Красной Армии в приграничье, а затем и в глубине нашей родины. Немцы, имея на вооружении крупные бронетанковые и моторизованные соединения и передовую тактику, а также трехлетний опыт боев в Европе, действовали энергично. На первых порах у них получалось почти все; они овладели инициативой, успех сопутствовал им, и казалось, остановить железную лавину уже невозможно. Вот-вот она захлестнет Киев, Ленинград, Москву и расплывется дальше, к Уралу.

Но уже летом того же сорок первого на отдельных участках фронта части Красной Армии начали наносить противнику ощутимые контрудары. «Блицкриг» замедлил свое движение на восток. График немецкого наступления срывался. Большие потери в живой силе и боевой технике обескураживал штабы противника, деморализовал войска. Немецкий солдат вскоре понял, что того, чего удалось достичь в Польше и Франции, в России не будет. В России их ждет другое. Все три направления наступления на русском фронте стали проблематичными. Здесь, на востоке, началась другая война.

В июле 1941 года Симонов отбыл в действующую армию. В районе Могилева группа полковника А.И. Лизюкова заняла оборону, перекрыв главное направление немецкого наступления.

Жестокое сражение состоялось на Буйничском поле на участке обороны по обводу города. Сводный полк, в который были влиты многие части и отдельные подразделения, встретил немецкую танковую колонну, развернутую для классической атаки укрепрайона. Атаку защитники Могилева отбили. Противник потерял тридцать девять танков. Это была победа! Свидетелем и летописцем ее стал корреспондент газеты «Боевое знамя» Константин Симонов.

Репортаж о сражении рождался уже там, на Буйничском поле, в блокноте. Дописывал в дороге. Правил уже в Москве. И тогда же, в июле, газета «Известия» опубликовала его под заголовком «Горячий день». На фотографиях — сгоревшие немецкие танки.

Потом многое увиденное и пережитое в годы войны ляжет в книгу «100 суток войны», в «Живые и мертвые», в стихи.

После войны, когда писал комментарии к своим фронтовым репортажам и очеркам, беглым заметкам в блокнотах и отрывочным воспоминаниям, пытался разыскать участников боев на Буйничском поле. Никого не нашел. А.И. Лизюков погиб в танковом бою под Воронежем во время одного из контрударов летом 1942 года. Солдаты и младшие командиры, командиры взводов и рот... Может, выжил кто-то из них? Никого не осталось. Кто погиб в отступлении, по дороге на Вязьму и Москву, кто уже во время наступления, по дороге на Варшаву и Берлин. «Слишком много друзей не докличется / Повидавшее смерть поколение...»

Что касается гибели генерала А.И. Лизюкова, то сложилось так, что в тот день Симонов оказался в расположении танкового корпуса, которым командовал Лизюков, и одним из первых узнал о его смерти во время неудачной атаки.

4

Летом 1942 года Симонов писал для «Красной звезды». Именно газета «Красная звезда» опубликовала его основные материалы периода войны. В то лето фронтовая судьба и воля главного редактора забросили его в Одессу. Одесса сражалась.

В том же 1942 году присвоено звание старшего батальонного комиссара, а через год, когда институт комиссаров упразднили, — подполковника. Звание полковника получил уже после войны. Звезды не сыпались ему на погоны и на грудь, все добывалось трудом, талантом и постоянством, верностью раз и навсегда вырабатанному *жесточкому зрению*.

В мае 1942 года приказом Военного совета Западного фронта № 482 старший батальонный комиссар Кирилл Михайлович Симонов⁷ награжден орденом Красного Знамени. Зимой 1944 года ему, уже подполковнику, вручили медаль «За оборону Кавказа». В мае 1945 года — орден Отечественной войны 1-й степени.

⁷ В официальных документах Симонов продолжал существовать как Кирилл Михайлович.

Он был из тех военкомов, которые не вылезали из окопов, собирали газетный материал на батальонных и полковых НП, кто хорошо понимал цену жизни на войне и цену слова о войне.

На войне все проявления жизни воспринимались стократ острее. Это касается и самого главного человеческого чувства — любви. И отношения к женщине.

Еще в 1941 году Симонов написал стихотворение «Жди меня». Это стихотворение сразу полюбили читатели — и тем, кто сидел в окопах, и тем, кто ждал их в тылу, работая на победу и поднимая детей. Время и читательское признание определило это стихотворение в ряд шедевров не только военной лирики, но и русской, советской поэзии XX века.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Стихотворение написалось в один миг. Выдохнулось после пережитого под Могилевом и Вязьмой. Там смерть стояла у виска. «Жди меня» посвящено любимой женщине — актрисе Валентине Серовой.

Валентина Серова была третьей женой Симонова. Еще до войны окончательно распались семейные узы с Евгенией Ласкиной. В браке с ней в 1939 году родился сын Алексей. В Серову Симонов влюбился как юноша. На ее спектаклях всегда сидел в первом ряду с огромным букетом цветов. Пьеса «Парень из нашего города», написанная перед войной, сюжетно повторяла трагическую судьбу актрисы Вален-

тны Серовой, потерявший любимого мужа, летчика Анатолия Серова. По сути дела, Симонов написал пьесу для нее, глубоко и искренне сочувствуя ее утрате. Серова отказалась от роли — слишком свежа и глубока рана. В начале войны театр эвакуировался в Фергану. Симонов писал Серовой частые письма, она отвечала тем же. Взаимное чувство уже разгоралось. Не видеться долго было мучительно. Вернувшись из-под Могилева, Симонов не мог успокоить себя от пережитого и увиденного там. Грань между жизнью и смертью была мизерной, призрачной. Были мгновения, когда ее и вовсе не существовало. В Москве его никто, кроме матери и редактора, не ждал. Навестил мать, а потом — к братьям-писателям. Заночевал у друга на даче. И там, ночью, томясь в одиночестве и бессоннице, разом написал «Жди меня».

В книге «100 суток войны» Симонов зафиксировал обстоятельства написания стихотворения и то, что предшествовало этим обстоятельствам: «Пошел дождь. Мы раскатали брезент на крыше, застегнули его на барашки и уселись, чтобы ехать. Панков нажал на стартер, а Трошкин, глянув в заднее стекло, сказал мне: — Смотри, какая туча. Теперь уж не будут бомбить».

Но едва он успел это договорить, как мы услышали даже не гул, а свист уже пикирующего самолета и, открыв дверцы, бросились на дорогу прямо у машины. Бомба рванулась метрах в пятидесяти сзади нас, скосив несколько деревьев и завалив ими дорогу. Трошкин⁸ поднялся и хрипло сказал, что наше счастье, что все это сзади, а не впереди, а то бы пришлось еще растаскивать с дороги деревья. Мы снова влезли в машину и решили больше ни за что не вылезать из нее, что бы там ни было.

Уже недалеко от поворота на Минское шоссе мы встретили втягивавшуюся на дорогобужскую дорогу дивизию. Машин было сравнительно мало; повозки, лошади, растянувшаяся, сколько видит глаз, пехота. Нам, недавно пережившим мгновенный прорыв немцев к Чаусам, показалось тогда, при виде этой дивизии, что такая “пешеходная” пехота — уж очень несовременный вид войска в нынешней маневренной войне. Но я не мог представить себе тогда, в июле, что всего через пять месяцев, в декабре, когда я окажусь в только что отбитом у немцев Одоеве, меня охватит противоположное, такое же острое ощущение, при виде идущей мимо замороженной и застрявшей немецкой техники конницы Белова, у которой все с собой, все на лошадях и на санях, а не на машинах, и которая вдруг в условиях зимней распутицы стала более маневренным войском, чем немецкие механизированные части.

В вяземской типографии у телефона мы встретили Белявского и Кригера, которые, оказалось, вернулись накануне. Было уже десять вечера. Они дожидались разговора с редакцией “Известий”. Панков заправил машину, мы обнялись с Кригером и Петром Ивановичем и поехали. И того и другого я увидел только в начале декабря, вернувшись в Москву с Карельского фронта.

Проехав через ночную, темную Вязьму, мы выбрались на Минское шоссе. Трошкин, совершенно больной, тяжело дыша, спал сзади в машине. Панков, который последние несколько суток не слезал с машины, все время тер глаза — ему тоже хотелось спать от усталости. А мне не спалось. Тревожное чувство, как и много раз потом при возвращении с фронта в Москву, охватывало меня. Я понял, до какой степени моя жизнь связана с Москвой и как я люблю Москву, только в эти дни, когда узнал, что Москву бомбят немцы.

⁸ Павел Артемьевич Трошкин (1909–1944) — фотокорреспондент «Известий». Майор. Участник боев на Халхин-Голе, советско-финляндской войны. С первых дней на Великой Отечественной войне. Участник Битвы за Москву, Сталинградской и Курской битв, сражения за Крым. 19 октября 1944 года погиб под г. Станиславом (ныне Ивано-Франковская область Украины), отстреливаясь из автомата от бандеровцев.

Я ехал с тревогой. Мне хотелось как можно скорее увидеть Москву. Я не представлял себе, в каких масштабах происходит бомбежки. И когда после первой бомбежки, в течение всех этих ночей, над нами высоко с гудением проходили эшелоны немецких самолетов на Москву, я каждую ночь, считая дни, думал о том, что, пока я вернусь, будет еще и еще, и еще одна бомбежка, и еще какие-то новые разрушения и новые опасности для всех близких мне людей.

Ночь была черная, как сажа. Как и в прошлый раз, неделю назад, нам навстречу летели гудящие грузовики без фар, груженные снарядами. Почти всю дорогу до утра я, открыв дверцу, стоял на подножке для того, чтобы мы могли быстрее ехать, видя хотя бы край дороги. К утру от этого напряженного взглядывания в темноту у меня заболели глаза.

Ехали без приключений. Только в двух местах немцы недавно сбросили на шоссе бомбы; были огромные воронки, и рядом с одной из них — обломки грузовика и оттащенные в сторону, на обочины, тела убитых.

На шоссе было куда больше порядка, чем неделю назад. Патрули проверяли документы и указывали путь на объездах. На последнем контрольно-пропускном пункте нам сказали, что сегодняшней ночью бомбежка была незначительной и без крупных пожаров. Мы подъехали к Москве на рассвете. Впереди в двух местах, догорая, еще дымились развалины домов. Мы въехали через Дорогомиловскую заставу и с тревогой глядели направо и налево, ища разрушений. У самой заставы был разрушен дом. Потом на берегу Москвы-реки — еще один. Дальше все было цело. На Садовой справа была разрушена Книжная палата.

Трошкин остался лежать в машине, а я поднялся в редакцию “Красной звезды”. Там еще не спали, и я наскоро доложил Ортенбергу о поездке. Он сказал, что ближайшие дни я должен буду оставаться в Москве, а сегодня могу отдыхать.

Из “Звезды” поехали в “Известия”, где нас, как и в прошлый приезд, тепло, по дружески встретил Семен Ляндерс. В “Известия”, оказывается, попала бомба — в главный вестибюль и в кабинет редактора. Но, по счастью, никого не убило, потому что в редакции в этот момент уже никого не было.

Я обещал к следующему дню написать в “Известия” подвал о разведчиках и, позвонив матери, поехал к ней. Трошкин остался в редакции; к нему вызвали врача. А я, выпив у матери кофе, заснул, что называется, без задних ног.

На следующий день, поехав в “Известия”, чтобы сдать свой последний, шестой по счету подвал “Разведчики”, я узнал, что Трошкина на несколько дней положили в больницу. Потом был трудный разговор с Ровинским, который не хотел отпускать меня в “Красную звезду”.

Явившись к Ортенбергу, я выдвинул перед ним план поездки вдоль всего фронта от Черного до Баренцева моря. Я попросил, чтобы мне для такой поездки подготовили хорошую надежную машину и чтобы вместе со мной послали фотокорреспондента. Мы начнем с крайней точки Южного фронта и будем постепенно двигаться на север, с тем чтобы все мои статьи и все фото шли в “Красной звезде” под одной постоянной рубрикой: “От Черного до Баренцева моря”. Ортенбергу эта идея понравилась. Он сказал, что доложит о ней Мехлису и постарается, чтобы сопроводительный документ был подписан самим начальником ПУРа для больших удобств в этой работе.

Оказалось, что для того, чтобы капитально отремонтировать “эмку”, выделенную для этой поездки, требуется шесть-семь дней. За эти семь дней мне было предложено написать несколько стихотворений для газеты, что и было сделано. Кроме них, в эти дни я написал “Жди меня”, “Майор привез мальчишку на лафете” и “Не сердитесь, к лучшему”.

Первым читателем “Жди меня” был Лев Кассиль⁹. Он сказал мне, что стихотворение в общем, хорошее, хотя немного похоже на заклинание. Я ночевал на даче у Кассиля в Переделкине и у него же в тот раз остался на весь день писать стихи. Накануне вечером мы вместе с Кассилем были у Афиногенова¹⁰. Афиногенов безвыездно жил на даче с женой и дочкой, и все у них было по-прежнему, как зимой сорокового года во время финской кампании. И я невольно вспомнил вечера, проведенные у него тогда, в ту трескучую зиму, за игрой в маджонг и слушанием английского радио, говорившего о еще чужой и далекой тогда от нас европейской войне с немцами. По-моему в тот вечер я видел Афиногенова в последний раз».

В той поездке на Западный фронт и по Смоленщине вместе с Симоновым был и Алексей Сурков. Тогда-то они, два поэта, по-настоящему и подружились. Под пулями, под бомбами. На пыльных дорогах среди тоскливых полей, изрытых окопами и воронками. Из тех дорог и той фронтовой дружбы родится стихотворение, еще один шедевр военной лирики, полусюжетное, похожее на балладу. В нем будут и дороги Смоленщины, и деревенская изба под Борисовом, и старики, угостившие их, военкоров, скитальцев, молоком, и все то, что было пережито там, на войне.

Вот яркий эпизод из книги «100 суток войны», в котором Симонов рассказал о своем душевном состоянии летом 1941 года. Это произошло на Варшавском шоссе, где-то посреди нынешней Калужской области, а тогда — Смоленщины.

«Мы проехали еще несколько километров и натолкнулись на огромные стада скота, заполнившие всю дорогу. Скота гнали столько, что дальше мы уже ехали со скоростью два-три километра в час, ныряя на своем “пикапе” среди голов и рогов. Проехав еще несколько километров, остановились, поставили машину на обочине и стали совещаться.

Хотя мы по-прежнему не верили, что немцы могут быть в Смоленске, и нам казалось обидным возвращаться и ехать на Вязьму через Рославль, всего сорок километров не доехав до Смоленска, но двигаться вперед, пробираясь через эти сплошные стада, тоже было бесполезно. Мы не добрались бы до Смоленска и к ночи.

Наши сомнения окончательно разрешил какой-то саперный капитан, ехавший — а вернее сказать, ползший — на машине среди этих стад со стороны Смоленска. В ответ на наш вопрос он сказал, что двигаться дальше бессмысленно — в двадцати километрах от Смоленска дорога закрыта для движения и спешно минируется. Мы повернули.

У нас ушло еще два часа, чтобы пробиться сквозь стада назад, к Рославлю. Когда мы въехали туда, там была воздушная тревога. Над городом крутились немецкие самолеты. Потом они обошли город и, пикируя, стали обстреливать что-то невидимое нам за его окраиной. На городской площади, несмотря на воздушную тревогу, продолжали обучаться оружейным приемам мобилизованные. Кучки их, еще без оружия, в гражданском платье, стояли у военного комиссариата и у других зданий, где размещались мобилизационные пункты.

⁹ Лев Абрамович Кассиль (1905–1977) — советский детский писатель. Лауреат Сталинской премии (1951). В годы войны выступал по радио, в школах, воинских частях, на предпринятиях Москвы и Урала. В 1945 году награжден орденом Красной Звезды.

¹⁰ Александр Николаевич Афиногенов (1904–1941) — драматург. Родился в г. Скопин Рязанской губернии. Редактор журнала «Театр и драматургия». В 1937 году попал в опалу, исключен из ВКП(б). Пьесы сняты из репертуара театров. Затворником жил в Переделкине. В 1938 году восстановлен в партии. Во время войны руководил литературным отделом Совинформбюро. Погиб во время бомбежки Москвы.

Развернув карту, мы решили ехать по шоссе до Юхнова, а оттуда свернуть проселком на Вязьму¹¹. На выезде из Рослава нас задержали, проверили документы.

Был жаркий летний день. Дорога здесь, за Рославлем, на восток была совершенно мирная. По сторонам виднелись деревни, и ровно ничто не напоминало о войне. Известия о прорыве немцев сюда еще не дошли, и никто не мог себе представить, что через несколько дней эти места станут ближайшим фронтовым тылом.

Было тягостное ощущение от несоответствия между тем, что мы видели в последние дни, и этой мирной, ничего не подозревающей сельской тишиной.

Несколько последних суток прошли у нас в непрерывном движении, и нам некогда было подумать, сообразить, нам нужно было только ехать, пробиваться, снова ехать, соединиться со своими, двигаться с места на место. Теперь, когда мы ехали по спокойной шоссеиной дороге, когда был летний жаркий тихий день и Трошкин и Кригер по очереди сменяли за рулем засыпавшего от усталости Боровкова, — мы вдруг сами почувствовали и то, как мы устали за эти дни, и через эту усталость — самое главное: почувствовали, что произошло какое-то большое несчастье. Только теперь, заново начав думать о том, что значит переход штаба фронта из Смоленска в Вязьму, мы заколебались: может быть, и Смоленск взят¹²? А ведь еще так недавно о Смоленске не было разговора, говорили только о Минске, считалось, что фронт где-то там.

Все эти мысли, одна за другой, привели меня в такое тяжелое настроение, в каком я, кажется, еще никогда не был. Казалось, что немцы прут, прут и будут переть вперед, и непонятно, когда же их остановят.

Было тревожное чувство: неужели они придут сюда?»

Здесь необходимо прервать затянувшуюся, но столь необходимую цитату, для дачи такого же необходимого пояснения. Дело в том, что Симонов эти свои записки привозил из фронтовых командировок в Москву в виде разрозненных, зачастую отрывочных записей в блокнотах и «...потом в Москве между командировками передиктовывал их стенографистке, восполняя недостающее по памяти». «100 суток войны» Симонов надиктовал стенографистке газеты «Красная звезда» М.Н. Кузько весной 1942 года, когда немцев отогнали от Москвы в результате зимнего контрнаступления и когда на отдельных участках, в том числе и в районе Вязьмы, продолжались упорные бои. Часть этих записок потом вошла в посмертную книгу «Каждый день — длинный» (1965). Через двадцать пять лет Симонов вернулся к своим запискам и, уже обращаясь к архивным документам, прокомментировал их. Уточнил даты. Восстановил многие имена и названия населенных пунктов. Более того, многие факты, в пылу быстро меняющейся фронтовой обстановки увиденные излишне прямолинейно и по-комиссарски односторон-

¹¹ Именно по такому маршруту в начале октября 1941 года будут наступать немецкие танковые и моторизованные части, своим правым крылом охватывая Вязьму и основные силы Западного и Резервного фронтов. Операцию «Тайфун» — решающий бросок на Москву — немцы начнут довольно успешно. Однако главной цели — Москвы — так и не достигнут и будут отброшены назад к Юхнову, к Сухиничам, к Ржеву.

¹² Смоленск наши войска оставили 28 июля 1941 года после тяжелых боев под Витебском и на Западной Двине. В тот же день армейская группа генерала К.К. Рокоссовского, усиленная 44-м стрелковым корпусом, атаковала занятое передовыми немецкими войсками Ярцево. Ярцево и окрестности были очищены от противника. Это дало возможность восстановить контроль над днепровскими переправами в районе Ратчино и Соловьево, через которые выходили из-под Смоленска остатки 16-й и 20-й армий. С оставлением Смоленска Смоленское сражение не закончилось. Группа армий «Центр» с 30 июля вынуждена была перейти к обороне. Противостояние восточнее Смоленска по линии Ярцевских высот продолжалось до 10 сентября 1941 года.

не, снабдил пояснениями и мотивировками: почему тот или иной командир или политработник поступил так, а не иначе. Книга сразу выросла в глубину. Сейчас она читается с особым интересом.

И вот как Симонов прокомментировал фразу о тревожном чувстве посреди Варшавского шоссе: «Мы думали об этом по дороге из Рославля на Юхнов. Под влиянием всего пережитого за предыдущие дни нам казалось, что это может вот-вот случиться. На самом деле это случилось далеко не так скоро. Прошла еще неделя, а Рославль не только оставался в наших руках, но наши войска даже нанесли оттуда сильный контрудар по немцам в направлении Смоленска. И это тоже было частью развернувшегося Смоленского сражения».

«...И чувство острой жалости и любви ко всему находившемуся здесь, к этим деревенским избам, к женщинам, к детям, играющим около шоссе, к траве, берегам, ко всему русскому, мирному, что нас окружало и чему недолго оставалось быть таким, каким оно было сегодня.

Мы ехали и молчали. Долго-долго молчали. Потом у нас от долгой езды в такую жару перегрелся наш старенький мотор, и мы километров через семьдесят после Рославля вынуждены были остановиться и ждать, когда он остынет.

Мы вылезли из “пикапа”, и Паша Трошкин сказал:

— Ребята, а ведь выбрались, а?

Но это было сказано устало и без всякой радости. Нас не радовало то, что мы выбрались. Хотелось только поскорее добраться до Вязьмы и там, в Вязьме, хоть что-то понять. Понять то, что мы еще не понимали.

Трошкин поставил нас у “пикапа” и несколько раз подряд снял таких, какими мы были в тот день — усталых, небритых и, как мне тогда казалось, вдруг, всего за несколько дней, постаревших. Потом мы снова поехали.

По дороге, чтобы хоть как-нибудь не думать обо всем том, что нас мучило, я стал читать ребятам стихи, сначала чужие, а потом и свои, написанные перед самой войной. Стихи им понравились, но из-за одного из них — “Я, верно, был упрямей всех, не слушал клеветы...” — Петр Иванович Белявский заспорил с Женей Кригером. Белявский говорил, что эти стихи не есть результат внутреннего убеждения, а только попытка как-то оправдать то положение, в которое я попал. Кригер спорил с этим, а я молчал. Молчал не потому, что мне не хотелось спорить, а потому, что странным казался самый этот спор о стихах здесь, на этой дороге, после всего, что мы видели. По сравнению со всем, что произошло с нами и происходило кругом, мне казалось таким бесконечно неважным, был ли я упрямей всех и слушал ли я клевету, и вообще казалось, что я никогда не буду писать ни таких стихов, и вообще никаких».

Война — время переосмысления. Время, когда поэты с, казалось бы, уже устоявшимися голосами, с отлившейся и затвердевшей в слове и ритме философией становились другими. Другими в окопах стали Семен Гудзенко и Сергей Орлов, Юлия Друнина и Борис Слуцкий.

Эту перемену в себе почувствовал и Симонов. Но стихов писать не перестал. Более того, именно тогда появилось стихотворение, без которого невозможно представить военную лирику сороковых, «Жди меня».

«Жди меня» он вначале решил не публиковать — слишком личное. С Серовой отношения складывались сложно, порой казалось, что и вовсе не складывались. Стихотворение, переписанное от руки, передавалось из рук в руки в кругу близких людей. Однажды кто-то из товарищей, видя его маету, сказал, что «от глубокой тоски по любимой жене его спасает лишь этот стих» и что для окончательного преодоления любовного недуга его нужно опубликовать.

Только в конце 1941 года «Правда» напечатала «Жди меня». Успех оказался ошеломляющим. Солдаты и офицеры переписывали стихотворение и посылали

домой, своим женам и невестам. «Жди меня» стало талисманом и залогом верности, любви и сострадания. Оказалось, что в некоторых обстоятельствах солдату в окопе, кроме обоймы патронов и котелка каши, нужно еще и это — эти слова, сложенные в ровные строчки, эти рифмы...

В 1943 году был снят фильм с одноименным названием и с Валентиной Серовой в главной роли.

А годом ранее, в 1942 году, вышел сборник стихотворений под названием «С тобой и без тебя». Все стихи в нем были посвящены Валентине Серовой. Серова для миллионов советских людей, и фронта, и тыла, стала символом женской верности и любви. Стихи Симонова читались и перечитывались. Их переписывали, заучивали наизусть, декламировали со сцены и просто в землянках и госпиталях. Они помогали выживать и воевать, выстаивать и побеждать.

Симонов любил Серову безумно! Вот отрывок из письма, которое он писал ей из действующей армии: «... Мы так много можем доставить счастья друг другу, когда мы прижаты друг к другу, когда мы вместе, когда ты моя, что кощунство не делать это без конца и без счета. Ох, как я отчаянно стосковался по тебе и с какой тоской и радостью я вспоминаю твое тело... Хочу держать тебя в руках и яростно ласкать тебя до боли, до счастья, до конца и не желаю говорить ни о чем другом — понимаешь ты меня, моя желанная, моя нужная до скрежета зубного... я даже ношу в кармане твое письмо и помню его и боюсь перечитывать — оно волнует меня и бесит тем, что я бессилён вот сейчас так же грубо и торопливо, как это бывает, когда приезжаю издалека, схватить тебя в свои руки и, задыхаясь от счастья и желаний, сделать с тобой все, что захочу...»

Его любовь была не только «тоской тела». Он умел заботиться о любимой, окружать ее своим вниманием и материальными доказательствами своей заботы.

Когда читаешь такие письма и подобное им, оставленное писателями и поэтами старшего поколения, в особенности — фронтовиками, невольно приходишь к твердой мысли о том, что издавать (переиздавать) их книги нужно, просто необходимо, с комментариями, в которых надо публиковать все это. Во-первых, такие комментарии или параллельные публикации высветят для читателя обстоятельства, в которых некогда пребывал будущий автор и которые формировали контуры его души. Во-вторых, это объяснит некоторые мотивы поступков его героев и его самого. Есть еще и в-третьих, и в-четвертых...

А Валентина Серова — что тут поделаешь! — в реальной жизни не вынесла того образа, который создала на сцене и на экране. Он оказался слишком трудным, непосильным. Импульсивная, порывистая, сценой и жизнью наученная повелевать в любви, брать все желаемое, она легко влюблялась и легко расставалась. Актриса! Такие зачастую не умеют контролировать ту черту, где кончается сцена, заученный образ и начинается жизнь, настоящие страдания, настоящая боль и глубокое чувство, которое стократ тверже сценической страсти, лицедейства. Весной 1942 года она как безумная влюбилась в командующего 16-й армией Константина Константиновича Рокоссовского. Рокоссовский был тяжело ранен в Сухиничах. Самолетом его переправили сперва в тыловой госпиталь в Козельск, там сделала операцию, потом — в Москву. Он потихоньку приходил в себя, выздоравливал в палате, во время осады Москвы устроенной в одном из корпусов Тимирязевской академии на Лиственничной аллее. Однажды в госпиталь прибыли артисты. К раненому генералу пришла Серова...

Тот роман был скорее выдуман самой Серовой. Она и вправду влюбилась в красивого, мужественного генерала, эдакого Андрея Болконского, чудом выжившего на Бородинском поле после тяжелого ранения. Она снова спутала литературу, сцену с реальной жизнью. Зачастила на Лиственничную аллею. Молва эту историю раскрасила цветными красками и подробностями. Генерал же относился к

Серовой как к артистке, не более того. Во всяком случае, по выписке из госпиталя он «роман» прекратил и через доверенного офицера связи штаба армии вернул Серовой пачку нераспечатанных писем, которые влюбленная актриса часто посылала ему на фронт. Таким образом, как повествует молва, Валентина Серова в своем очередном любовном порыве своего не добила, а только опозорила мужа. Еще бы, ведь в эту историю пришлось вмешаться даже Верховному — Сталин приказал вернуть из эвакуации жену Рокоссовского и подыскать для семьи генерала достойную квартиру в Москве: «Бабы сами разберутся».

Бабы разобрались.

Через несколько дней Симонов и фотокорреспондент «Красной звезды» Яков Халип¹³ выехали на Южный фронт в Одессу. В поездку с собой Симонов, кроме всего прочего и необходимого, взял «здоровенный томище «Тихого Дона». Как будто уже задумал написать *нечто подобное*, масштабное, соразмерное происходящим событиям. И это нечто подобное действительно будет создано, но не скоро, а спустя десятилетия, в виде трилогии «Живые и мертвые».

5

Странствуя по фронтам, флотам, армиям, дивизиям и полкам, Симонов ходил на транспортных судах, плавал на подводной лодке к румынским берегам, жил в землянке, колесил по дорогам войны, ютился рядом с бойцами в прифронтовых деревнях, зачастую полусожженных немецкой и своей артиллерией. Наполнялись записки, за частоту пополнялась душа. Потом все это выплеснется — в пьесы, в стихи, в трилогию романов «Живые и мертвые». А непосредственно ляжет в книгу очерков «От Черного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента».

Конечно, его, военкора Симонова, война существенно отличалась от войны тех, кто на фронте командовал ротами, взводами, батареями, танковыми экипажами, орудийными расчетами, кто был просто солдатом или курсантом в боях в Подмоскowie или под Курском и кто, дожив до Победы, шагнул в литературу, предъявив издателю и читателю «Убиты под Москвой», «Горячий снег», «Его зарыли в шар земной...» Но стихи и проза его и сейчас читаются как документ и свидетельство того, что было. Созданные Симоновым художественные образы высоки, узнаваемы, хрестоматийны. Величина их постоянна и неоспорима.

Существуют как бы две литературы о войне. Они не спорят, не конкурируют, они дополняют одна другую. Усиливают. Одна литература принадлежит перу военных корреспондентов и тем, кто уже прочно занял свое место на книжных полках до 40-х годов. Леонид Леонов, Александр Фадеев, Михаил Шолохов, Всеволод Вишневский, Константин Паустовский, Андрей Платонов, Александр Твардовский. Другую создали лейтенанты, отчасти тоже — военные корреспонденты. Только служили они не в центральных газетах, а в дивизионках, армейских и фронтовых газетах и на передовую из своих редакций зачастую отправлялись пешком, потому что окопы первой линии были рядом.

Но вернемся к теме личной жизни писателя. К теме любви. Пожалуй, если бы актриса Валентина Серова не мучила его своим женским непостоянством, Симонов и не написал столь пронзительных стихов. Ведь «Жди меня» — это действи-

¹³ Яков Николаевич Халип (1908–1980) — фотокорреспондент. Во время войны с первого дня и до последнего снимал на передовой, создал огромный архив фотографий. После войны работал в редакциях журналов «Смена», «Огонек», «Советский Союз», а также публиковался в газетах «Правда» и «Известия». Участник многих фотовыставок, в том числе международных.

Только закливание, попытка отвести любимую от роковой ошибки. Потому что ее ошибка может погубить и ее, и его, и всю вселенную, которая создана их любовью и верностью!

Раз уж пошла речь о личном, то именно здесь стоит сказать о тех женщинах, которые в разные годы были рядом с Симоновым.

Наталья Викторовна Гинзбург была дочерью драматурга и режиссера Виктора Яковлевича Гинзбурга (Типота). Наталья Викторовна приходилась племянницей писательнице и мемуаристке Лидии Яковлевне Гинзбург. Родилась Наталья в Одессе. Знакомство произошло в Литинституте. Тогда модно было жениться на одесситах. И Литинститут, и редакции журналов и издательств были буквально наводнены одесситками и одесситами. Они довольно решительно завоевывали Москву и, в конце концов, ее завоевали. Наталья много писала и публиковалась — критика, научно-фантастическая проза. Вышедшая в 1938 году поэма Симонова «Пять страниц» посвящена ей. Симонов вообще легко дарил посвящения своим любимым. Брак с Натальей Гинзбург (Соколовой) был недолгим.

Вторая жена Евгения Ласкина работала в журнале «Москва», заведовала отделом поэзии. Так что и этот брак был литературным, и даже более того. Не каждому молодому поэту удавалось жениться на завотделом поэзии «толстого» литературного журнала. У Ласкиной был прекрасный литературный вкус и авторитет, который распространялся дальше и выше литературных кругов. Именно она, как свидетельствуют литературоведы, в решительный момент добилась публикации романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». В этом браке родился сын Алексей (1939), ставший известным кинорежиссером.

Встреча с актрисой Валентиной Серовой в третий раз перевернула жизнь Симонова. Это была большая любовь. Об их отношениях молва разносила разные, порой самые невероятные истории и сюжеты. Одни были придуманы, другие — нет дыма без огня — додуманы, третьи тиражировали действительное. Говорили, например, что их свел Сталин на одной из кремлевских посиделок, куда приглашались сливки общества — партийные деятели, военные, писатели, артисты. Именно во время этих посиделок, где произносили речи и тосты, пили, ели, пели и плясали, вождь впервые лично знакомился с некоторыми знаменитостями — и многих знакомил, скрепляя новые отношения прочными скрепами своего посредничества. Именно так он свёл Серову и Симонова. И та, и другой к тому времени были свободны. Сталин покровительствовал и тому, и другой. Вождю казалось, что это будет идеальный союз. Оба молоды, красивы, обаятельны, талантливы. Произошло это в 1940 году.

К тому времени Валентина уже дважды побывала замужем. Второй муж, летчик Анатолий Серов, герой Испании, погиб во время испытательного полета. От него у Серовой остался сын Анатолий.

Закончилась война, закончились и теплые отношения поэта и актрисы. Виной всему была пагубная страсть Серовой к алкоголю. В 1950 году у них родилась дочь Мария. Но любовная лодка дала уже непоправимую течь. Вдобавок ко всему Серова вынуждена была уйти из театра им. Ленинского комсомола. Симонов помог ей устроиться в Малый театр. Однако мрачные загулы не кончились, однажды она не явилась на спектакль. Выйти на сцену была просто не в состоянии. Из Малого пришлось тоже уйти. Не помог и Симонов. Затем около семи лет служила в Театре имени Моссовета. Но все снова закончилось пьянкой и скандалом. На этот раз пьяная драма произошла во время гастролей в Ленинграде. Вернулась в театр им. Ленинского комсомола. Потом играла Марию Николаевну в спектакле «Русские люди» по одноименной пьесе Симонова. Сын Анатолий, как о таких говорят в народе, сбился с пути. Дочь Мария жила у бабушки, матери актрисы Клавдии Пологиной, человека строгого и даже жесткого нрава, если дело касалось осно-

воплощающих нравил человеческой жизни. Она через суд запретила дочери видеться с Марией. Сын Анатолий умер в 1974 году. Серова была найдена мертвой в своей некогда роскошной московской квартире, подаренной Сталиным, в ночь с 11 на 12 декабря 1975 года.

Брак с Серовой действительно какое-то время казался идеальным. Счастливы были и Симонов, и Серова. И если бы они были просто людьми, а не Поэтом и Актрисой, этого счастья хватило бы им до глубокой старости. Но свой поезд они пустили под откос очень скоро, и главная роль в этой катастрофе принадлежит, конечно же, Серовой. Симонов долго терпел, по возможности выправлял обстоятельства, давал шанс, но все оказалось напрасным. Женский алкоголизм — это почти всегда непоправимо.

Говорят, в 1946 году Симонов получил от Сталина поручение: провести встречи с писателями-эмигрантами первой волны и уговорить их вернуться на родину. Симонов отправился на Запад и взял с собой Серову. Франция. Париж. Встречи с Борисом Зайцевым, Тэффи, нобелевским лауреатом Иваном Буниным. Вокруг Бунина, как центра русской литературной эмиграции, все и закрутилось. Сразу скажем, что миссия Симонова в Париже провалилась. И причиной этого провала якобы стала Серова. Основной целью Симонова и всего парижского предприятия был, конечно же, Бунин. Уговори он вернуться в Советский Союз Бунина, другие многие писатели потянулись бы за ним, как журавлиная стая за вожаком. Но во время встречи с Буниным Серова, тоже участвовавшая в беседе, будто бы улучила момент и шепнула Бунину, чтобы не верил заверениям Симонова и на родину ни в коем случае не возвращался, что там его ждет несвобода, разочарование, а возможно, и лагерь... Похоже на анекдот, сочиненный «апрелевцами», но возможно, нечто в этом роде в Париже в 1946 году все же имело место. Потому как больше в зарубежные поездки Симонов жену не брал.

Что же касается Бунина и попыток советской стороны вернуть его на родину, то первые были предприняты в 1936 году при посредничестве Алексея Толстого. В своей книге «Бунин. Жизнеописание» А.К. Бабореко писал: «В октябре 1936 года приезжал в Париж из Брюсселя А.Н. Толстой. В Бельгии он участвовал в конгрессе защиты мира. В парижском кафе на Монпарнасе случайно (случайно ли?) встретился с Буниным; убеждал его возвратиться в Советский Союз; он сам живет в роскоши, а Бунин встретят с колоколами. Возвратившись в Москву, А.Н. Толстой напечатал статьи, в которых писал, что “Жизнь Арсеньева” и другие произведения последних лет ничего не стоят». Пожалуй, так, как жил «третий Толстой», в Советском Союзе не жил никто из писателей. Огромный особняк в центре Москвы. Прислуга. Огромные гонорары. Постоянные переиздания и постоянное присутствие на театральных афишах лучших театров обеих столиц и репертуарах областных и провинциальных театров. В Союзе писателей СССР он числился «графом» и действительно жил «баринном».

Но десять лет назад с Буниным на тему возвращения разговаривать было сложно. Еще не прожиты были нобелевские деньги. Его издавали, хорошо платили. Везде принимали. Буквально носили на руках. Так что дипломатия Алексея Толстого по поводу переезда в Советский Союз на этом фоне почти ничего не стоила.

Десять лет спустя, после пережитого в оккупации, после унижений и всяческих оскорблений, которые Бунин перенес от фашистов, после голода в Грассе, разговор о возвращении был, конечно же, другим. Но и новое предложение Бунин не принял.

Миссия Симонова в Париже имела довольно сложную предысторию. 21 июня того же 1946 года в специальном выпуске «Союза советских патриотов» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а так-

же лиц, утративших советское гражданство, проживающих во Франции. После непродолжительной паузы перед эмигрантами выступил посол А.Е. Богомолов и вручил эмигрантам, согласившимся на возвращение, советские паспорта. Бунин на это собрание не пошел. Среди русских тут же был распушен слух, что и Бунин «заявил о желании приехать в СССР». Более того, в эмигрантской печати появились интервью, в которых Бунин будто бы недвусмысленно подтверждает это. Бунину пришлось через прессу опровергать смысл фраз, «которых я и не думал произносить...»¹⁴.

Из книги А.К. Бабореко «Бунин. Жизнеописание»: «В Париже Бунин “не раз дружески виделся” с К.М. Симоновым. Московские власти послали его уговаривать Бунина вернуться “домой”. Вера Николаевна записала в дневнике 11 августа 1946 года:

“Вечером приезжал Симонов, приглашал на завтра на его вечер <...> Понравился своей искренностью, почти детскостью <...> Он уже в Верховном Совете, выбран от Смоленщины.

Симоновское благополучие меня пугает. Самое большое, станет хорошим беллетристом. Он неверующий <...> Когда он рассказывал, что он имеет, какие возможности в смысле секретарей, стенографисток, то я думала о наших писателях и старших и младших. У Зайцева нет машинистки, у Зурова — минимума для нормальной жизни, у Яна — возможности поехать, полечить бронхи. И все же для творчества это, может быть, нужно. Симонов ничем не интересуется. Весь полон собой. Человек он хороший, поэтому это не возмущает, а лишь огорчает. Я очень довольна, что провела с ним час. Это самые сильные защитники режима. Они им довольны, как таковым, нужно не изменить его, а улучшить. Ему нет времени думать о тех, кого гонят. Ему слишком хорошо”.

Был у Буниных, по выражению Веры Николаевны, “московский ужин” — “водка, селедка, килька, икра, семга, масло, белый и черный хлеб”. Симонов сказал им, что, по его просьбе, это все доставлено было самолетом из Москвы. Андрей Седых уточняет — получено из распределителя советского посольства. Были у них Адамович и Тэффи. Симонов пришел с женой, артисткой Валентиной Серовой.

В воспоминаниях “об Иване Алексеевиче Буине” Симонов во многом не точен. Твардовский отказался напечатать эту статью в “Новом мире”. Вот наиболее существенные уточнения Зурова, написавшего 12 августа 1966 года:

“Познакомили К. Симонова с Иваном Алексеевичем Буниным на литературном вечере Константина Симонова в зале Шопена (Плейель. Вход в рю Дарю). После этого вечера (Константин Симонов читал свои стихи и рассказы) парижские литераторы и поэты (Иван Алексеевич и Вера Николаевна Бунины, Надежда Александровна Тэффи, Георгий Викторович Адамович, французская писательница Банин, Антонин Петрович Ладинский и другие) встретились с К. Симоновым (и его женой) у Дюпона (кафе-ресторан, вход с авеню Ваграм, находится недалеко от рю Дарю и зала Плейель)”.

Адамович вспоминал:

«Бунин обратился к Симонову “с изысканной, слегка манерной, чуть ли не вызывающе-старорежимной вежливостью... едва мы сели за стол:

— Простите великодушно, не имею удовольствия знать ваше отчество... Как изволите величать вас по батюшке? <...>

В начале обеда атмосфера была напряженная. Бунин как будто “закусил удила”, что с ним бывало нередко, порой без всяких причин. Он притворился простачком, несмышленишем и стал задавать Симонову малоуместные вопросы, на которые тот отвечал коротко, отрывисто, по-военному: “Не могу знать”.

— Константин Михайлович, скажите, пожалуйста... вот был такой писатель Бабель... кое-что я его читал, человек, бесспорно, талантливый... отчего о нем давно ничего не слышно? Где он теперь?

— Не могу знать.

— А еще другой писатель, Пильняк... ну, этот мне совсем не нравился, но ведь имя тоже известное, а теперь его нигде не видно... Что с ним? Может быть, болен?

— Не могу знать.

— Или Мейерхольд... Гремел, гремел, даже, кажется, «Гамлета» перевернул наизнанку... а теперь о нем никто и не вспоминает... Отчего?

— Не могу знать.

Длилось это несколько минут. Бунин перебирал одно за другим имена людей, трагическая судьба которых была всем известна. Симонов сидел бледный, наклонив голову. Пантелеймонов растерянно молчал. Тэффи, с недоумением глядя на Бунина, хмурилась. Но женщина эта была умная и быстро исправила положение: рассказала что-то уморительно смешное, Бунин расхохотался, подобрел, поцеловал ей ручку, к тому же на столе появилось множество всяких закусок, хозяйка принесла водку шведскую, польскую, русскую, у Тэффи через полчаса оказалась в руках гитара — и обед кончился в полнейшем благодушии.

Знаю со слов Бунина, что через несколько дней он встретился с Симоновым в кафе и провел с ним с глазу на глаз часа два или даже больше. Беседа произвела на Ивана Алексеевича отличное впечатление: он особенно оценил в советском госте его редкий такт. Говорили они, вероятно, не только о литературе, должны были коснуться и политики.

Можно предположить, что в кафе, с глазу на глаз, разговор их был куда душевней, чем своего рода игра «в дурачка» в кафе-ресторане на улице Ваграм, когда Бунин ему: «Простите великодушно...», а он ему: «Не могу знать». Да, там был другой разговор. И вопросы были другие, и ответы тоже. Однако уговорить Бунина вернуться *домой* Симонов не смог.

После расставания с третьей женой Симонов снял все посвящения ей. Оставил только в стихотворении «Жди меня» — лаконичные инициалы. На похороны Валентины Васильевны Серовой Симонов не пришел, прислал букет из пятидесяти восьми алых роз...

С Ларисой Алексеевной Жадовой он сошелся в 1957 году. Ей было тридцать. Молода, красива. Лариса Алексеевна вдовствовала после смерти мужа поэта Семена Гудзенко, похороненного зимой 1953 года. Растила дочь Катю. Выпускница МГУ, искусствовед, она успешно работала по теме русского авангарда. При жизни Симонов дружил с Семеном Гудзенко, высоко ценил его поэзию. Брак с Ларисой Жадовой был счастливым. У них родилась дочь Александра. Катю Гудзенко Симонов удочерил. Она даже взяла его фамилию и отчество — Кирилловна. Всю жизнь бережно заботился о ней. Екатерина получила хорошее образование и стала специалистом по истории и культуре Японии. С Ларисой Симонов, наконец, обрел семейный покой.

С корреспондентским блокнотом и командировочным удостоверением от газеты «Красная звезда» Симонов прошел всю войну. Колесил по фронтовым дорогам с отступающей армией, а потом наступающей. Румыния, Болгария, Югославия, Польша, Германия. Последние бои в Берлине. Писал о действиях 1-го Чехословацкого корпуса, который наступал в составе советских войск. Рассказывал о боях в Болгарии, Польше, Югославии. Впоследствии часть этих очерков объединил в

сборники, вышедшие под названиями «Письма из Чехословакии», «Югославская тетрадь».

Вообще о Великой Отечественной войне Симонов создал целый корпус произведений. Очерки, репортажи, статьи. Романы, повести. Стихи. Пьесы. Сценарии для художественных фильмов. Начал записывать солдатские мемуары. Его примеру последовали другие писатели, журналисты. И теперь без историй, рассказанных солдатами Великой Отечественной, невозможно представить хроники той войны. Общеизвестно, что история как наука в первую очередь основывается на источниках. Главным источником является документ. Однако при восстановлении истории войны случается, что именно мемуары после тщательных проверок и сопоставлений становятся главным и единственно достоверным источником. Симонов это всегда понимал и поэтому, будучи главным редактором журнала «Новый мир», активно печатал мемуары победителей.

7

Трилогия романов «Живые и мертвые» по большому счету берет начало во фронтовых блокнотах. В случайных записях и набросках. Литературоведы это сразу заметили: первая книга почти полностью соответствует личному дневнику автора, опубликованному под названием «100 суток войны».

Первая часть трилогии — «Живые и мертвые» — вышла в 1959 году. Вторая, «Солдатами не рождаются», — в 1962 году. Третья (самая трудная для Симонова), «Последнее лето», — в 1971 году.

Хронологически первая книга охватывает период с лета 1941-го до начала контрнаступления под Москвой. Вторая — зиму 1942-1943 годов и Сталинградскую битву, операцию «Уран». Третья — события лета 1944 года (наступательная операция «Багратион» в Белоруссии). Главный герой трилогии, Иван Петрович Синцов, в начале войны — военкор, старший политрук, а затем — майор, начальник штаба стрелкового полка.

Проза прошедших дорогами войны «с “лейкой” и блокнотом» отличается от той, которую вскоре после возвращения с фронта напишут те, кто пришел в литературу из окопов, — от «лейтенантской» прозы (Юрий Бондарев, Василь Быков, Григорий Бакланов, другие). Она не хуже и не лучше, если сравнительные категории такого рода здесь вообще уместны. Она просто другая. Хотя так же пахнет порохом, столь же трагична и глубока. Но глубины ее различны. Словно замеры этой глубины делались в разных местах.

Быть может, предчувствуя это, Симонов пропустил своего героя и через окопы. Синцов в первые же дни войны во время летнего немецкого наступления попадает в окружение, теряет документы, в том числе партбилет, чудом выходит через линию фронта и вскоре возвращается на фронт, но уже рядовым бойцом, чтобы искупить свои потери и перед родиной, и перед собой самим.

При всем при том, что Симонов и в литературе, и в политике в Советском Союзе был «своим», а книги его — вполне «проходными», публикация романов шла не без осложнений.

Из «Информационного сообщения КГБ при Совете Министров УССР и ЦК КПУ». 10 апреля 1970 года:

*«Секретно. 10 апреля 1970 года.
ЦК КПУ*

По поступившим в КГБ при СМ УССР данным, по приглашению профсоюзных организаций Харьковского политехнического института им. В.И. Ленина во Дворце студентов была организована встреча студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава с писателем Константином Симоновым.

в ходе которой он ответил на ряд интересующих аудиторию вопросов. <...> На вопрос: “Будет ли печататься третья часть трилогии — «Последнее лето» — в очередном томе ваших сочинений?” — он ответил: “Нет! Первая часть этого романа, возможно, выйдет отдельным изданием к концу года. Очередной том задержан не по моей вине, а по вине цензуры. Мы не сошлись взглядами с цензурой в отношении «фронтовых дневников первого года войны». Ну, ничего, время покажет, кто был прав!” Вопрос из зала: “Каков ваш взгляд на роль Сталина в Великой Отечественной войне?” Константин Симонов: “Вы знаете, на эту тему можно долго говорить, но я не историк и не философ. Я высказал свой взгляд на Сталина в своих романах «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются». Если в двух словах сказать, по-моему, если говорить не только о войне, это человек великий и страшный, и надо всегда помнить, говоря о нем, обе стороны дела. Нельзя его изображать как великого, забывая, что он страшный, и нельзя делать страшным, забывая, что он великий. В истории, связанной со Сталиным, произошло много великих и страшных вещей. То и другое было, об этом стоит помнить”».

А в 1953 году, когда вождь умер, Симонов написал:

Нет слов таких, чтоб ими описать
Всю нетерпимость горя и печали.
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин...

Вождь для большей части страны был еще жив, и эта часть народа все еще боготворила и боялась его.

Трилогия «Живые и мертвые» экранизирована (режиссер А.Б. Столпер). В главных ролях снялись известные актеры Кирилл Лавров, Олег Ефремов, Юрий Визбор и бывший фронтовик Анатолий Папанов. Фильм вошел в список бессмертной классики советского кинематографа.

8

Журнал «Новый мир» в советское время был лидером среди «толстяков», и по праву. Обычно это поистине литературное словосочетание — «Новый мир» — ассоциируют с именем Александра Трифоновича Твардовского. Однако была в журнале и эпоха Симонова.

На должность главного редактора «Нового мира» Симонов был назначен в 1946 году.

Это было сложное время. Для литературы тоже. Лейтенанты, споров погоны, еще донашивали свои гимнастерки и шинели, сидели в студенческих аудиториях, их романы и повести — «Горячий снег» и «Знак беды», «Убиты под Москвой» и «Красное вино Победы» — еще только грезились их авторам. Дорогу своим творениям им придется упорно пробивать через массу запретов. Официально все еще поощрялось написанное о войне, о героизме советского народа, воинов Красной Армии. «Победная» тема главенствовала в литературе. Твардовский получает Сталинскую премию первой степени за поэму «Василий Теркин». Но страну уже переводят на «мирные рельсы», и инженеров человеческих душ ориентируют на показ созидательной жизни после войны. В какой-то степени политика партии была верна: вернувшимся с фронта надо было помочь вернуться к обычной жизни, психологические травмы порой имели более серьезные и трагические последствия, чем ранения, полученные от пуль и осколков. Человеку, донашивавшему солдатскую шинель, необходимо было преодолеть и это. Но разве о войне все уже

было рассказано? Личный опыт окопника требовал выхода. У каждого он был свой. Тему войны «Живыми и мертвыми» закрыть было невозможно.

Именно в это время Симонов пришел в «Новый мир». В сущности, это было партийное поручение. И нужно было его выполнять — так же, как по-солдатски точно выполнял прежние поручения.

Вообще 1946 год для литературы был суровым. Вышло печально известное постановление ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», которое (кроме того, что плугом прошлось по судьбам Михаила Зощенко и Анны Ахматовой) недвусмысленно дало понять редакциям «толстых» журналов, в каком русле они должны вести свою внутреннюю политику и в каком направлении нужно формировать читательские вкусы в дальнейшем.

Журнал Симонов принял от Владимира Щербины, занимавшего кресло главного редактора с 1941 года и в течение всей войны. Тираж едва превышал 31 000 экземпляров. Предстояло пересматривать редакционную политику, разумеется, в русле решений партии и правительства, во многом менять кадровый состав. Ибо «кадры решают все...» Своим заместителем Симонов привел в журнал своего давнего друга по совместной работе в «Красной звезде» Александра Кривицкого.

С приходом Симонова и нового состава редакции «Новый мир» действительно стал более прогрессивным и глубоким журналом. Было опубликовано многое из того, что прежде и на порог бы не пустили. К примеру, в те годы увидел свет роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Кстати, именно на него обрушилась официальная критика. Разгромные статьи появились в главных партийных газетах, задававших основной тон. В какой-то момент Симонов понял, что критическая масса становится опасной для издания и лично для главного редактора и, как говорят, вильнул: он, по сути дела, возглавил крестовый поход против автора романа. Обрушился на Дудинцева...

Недоброжелатели писателя до сих пор говорят, вспоминая этот и другие эпизоды: в этом весь Симонов!..

Известен анекдот, якобы рассказанный Твардовским о Симонове. Его приводит в своем дневнике критик Владимир Лакшин, долгие годы работавший в редакции «Нового мира»: «На совещании в ЦК он говорил “благородную” речь с трибуны, и вдруг голос из президиума его прервал: “Что-то вы, тов. Симонов, все о свободе и о свободе, а о партийности ни полслова”. Симонов побледнел и упал в обморок. Вот и все мужество либерала!»

Патриоты, почвенники действительно причисляли Симонова к либералам. Либералы же считали ретроградом, поддерживавшим травлю Ахматовой и Зощенко, а впоследствии подписавшим письмо в поддержку кампании против «космополитов» и негодовавшим по поводу действий Александра Солженицына и Андрея Сахарова, целиком отражая официальную позицию партии и советского правительства. Свой среди чужих, чужой среди своих...

Четыре года спустя, в 1950 году, на пост главного редактора «Нового мира» пришел Твардовский. Это был настоящий расцвет журнала. Тираж сразу подскочил до 100 000, а потом — и до 140 000 экземпляров.

Симонов же возглавил редакцию «Литературной газеты». Еженедельник сразу нашел свое второе дыхание, стал интересным и не просто злободневным. В «Литературке» уже тогда можно было прочитать то, чего могло не быть в других газетах Советского Союза.

В 1953 году умер Сталин. Страна была потрясена. Симонов, видимо, второпях, испытывая эмоциональный порыв из-за ухода вождя, буквально осыпавшего его Сталинскими премиями, — шесть премий и четыре ордена! — написал статью и опубликовал ее под названием «Священный долг писателя» в ближайшем номере «Литературной газеты». Хрущев, по словам Федора Бурлацкого, руководившего

«Литературкой» в эпоху перестройки и гласности, «был крайне раздражен этой статьей». В ней автор «провозглашал главной задачей писателей отразить великую историческую роль Сталина». Хрущев готовил страну и партию к XX съезду КПСС и развенчанию культа личности Сталина. Он тут же позвонил по «вертушке» в Союз писателей и потребовал смещения Симонова с поста главного редактора главной писательской газеты. Хрущев подыскивал на ключевые посты надежных и авторитетных людей, собираясь царить долго. Приблизил и Твардовского.

Но и Твардовский вскоре «провинился». В 1954 году вышло постановление ЦК КПСС, и Твардовский был снят с поста главного редактора «Нового мира» за публикацию на страницах журнала острых статей Владимира Померанцева, Федора Абрамова, Марка Щеглова и других. Портфель главреда снова вручили Симонову. Тираж увеличивался. «Новый мир» окончательно воцарился среди «толстых» литературных журналов. На его страницы стремились самые лучшие писатели и поэты.

Конечно, Симонов, занимая столь высокий литературный пост (одновременно он был секретарем Союза писателей СССР), не все мог. К примеру, еще во время первого своего прихода в «Новый мир» он отверг повесть тогда еще никому неизвестного Константина Воробьева «Это мы, Господи!» Хотя возможно, он ее просто не прочитал, поручив рукописи, поступающие самотеком, консультантам и рецензентам. Повесть нашли в архиве журнала лишь в середине 80-х. Случайно. Опубликовали. Это было литературное событие. В живых уже не было ни Воробьева, ни Симонова. И корить, и поздравлять уже было некого.

Симонов, получив опыт жесткой отставки, руководил журналом осторожно. Но при всем при том он, прежде всего, был писателем, а обязанности литературного чиновника его все же, как любого художника, удручали. К тому же изначально не сложились отношения с Хрущевым. И в 1958 году на журнал снова назначили Твардовского. Эта «челночная» политика власть предержащих в отношении главного литературного журнала, как это ни парадоксально, имела положительный эффект: «Новый мир» укреплял свои позиции и становился все злободневней и лучше. Качество публикаций возрастало. Подписка тоже.

9

Умер Симонов 28 августа 1979 года от онкологии. Свой прах завещал развеять над Буйничским полем под Могилевом. На том самом поле, где он стал свидетелем яростного боя с немецкими танками. Сейчас это черта города, областного центра Республики Беларусь. Стараниями республиканских и местных властей и общественности Буйничское поле преобразовано в Поле Памяти, в мемориал славы воинов Красной армии, летом 1941 года остановивших здесь немцев. «Я был не солдатом, всего лишь корреспондентом, — писал Симонов. — Но и у меня есть маленький кусочек земли, который я не забуду никогда, — поле под Могилевом, где в июле 1941 года я своими глазами видел, как наши за один день сожгли 39 немецких танков».

Теперь на Буйничском поле установлен камень — огромный ледниковый валун красного гранита. Его так и называют — Симоновский камень. На одной его грани надпись: «Константин Симонов. 1915 — 1979». На другой: «...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Жена Лариса Алексеевна, с которой он прожил больше пятнадцати лет, ненадолго пережила мужа: умерла она полтора года спустя. Лариса Алексеевна не хотела расставаться с мужем, и ее прах был развеян над тем же полем под Буйничами в Белоруссии. С тех пор, и теперь уже навсегда, у них «есть маленький кусочек земли...»

Словно смотришь в бинокль перевернутый —
Все, что сзади осталось, уменьшено,
На вокзале, метелью подернутом,
Где-то плачет далекая женщина.

Снежный ком, обращенный в горошину, —
Ее горе отсюда невидимо;
Как и всем нам, войною непрошено
Мне жестокое зрение выдано.

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным сегодняшним зрением.

Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся,
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.

Слишком много друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не все увеличится
В нашем горем испытанном зрении¹⁵.

* * *

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

¹⁵ Три раза в пяти четверостишиях Симонов употребил слово «зрение». Много. И не случайно. Это слово разбросано по стихотворению глыбами. На нем оно и держится, как на трех китах. Зависимые слова при этих глыбах-китах тоже не случайны: «жестокое...», «сегодняшним...», «испытанном...».

Поэтическое кредо вполне сформулировано, и ему Симонов будет следовать всегда. Стихотворение «Словно смотришь в бинокль перевернутый...» во многом перекликается со стихами других фронтовиков — Семена Гудзенко, Сергея Орлова и — особенно — Александра Твардовского.

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Сочинения. В трех томах. — М.: Гослитиздат, 1952–1953.
Собрание сочинений в 6 томах. — М.: Художественная литература, 1966–1970.
Собрание сочинений в 10 томах + 2 доп. — М.: Художественная литература, 1979–1987.
Павел Черный. Поэма. — М.: Советский писатель, 1938.
Ледовое побоище. Поэма. — М.: Правда, 1938. (Б-ка «Огонек».)
Настоящие люди. Книга стихов. — М.: Гослитиздат, 1938.
Дорожные стихи. — М.: Советский писатель, 1939.

- Стихи тридцать девятию года. — М.: Советский писатель, 1940.
 Суворов. Поэма. — Москва-Ленинград, Тетиздат, 1940.
 Из фронтового блокнота. — М.: Советский писатель, 1941.
 На Карельском фронте. Очерки. — М.: Воениздат, 1941.
 Победитель. Стихи. — М.: Военное издательство, 1941.
 Сын артиллериста. Фронтовая поэма. — М.: Воениздат, 1942. (Б-ка красноармейца).
 Дни и ночи. Повесть. — М.: Военное издательство, 1944.
 Стихи 1941 года. — М.: Правда, 1946. (Б-ка «Огонек», № 4.)
 Фронтовые стихи. — М.: Воениздат, 1942. (Б-ка красноармейца).
 Война. Стихи 1937–1943 гг. — М.: Советский писатель, 1944.
 Гордый человек. Повесть. — Воронежское областное книжное издательство, 1945.
 Письма из Чехословакии. — М.: Военное издательство, 1945.
 Славянская дружба. Очерки и рассказы. — М.: Военное издательство, 1945.
 Югославская тетрадь. — М.: Советский писатель, 1945.
 От Черного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента. В 4 кн. — М.: Советский писатель, 1945.
 Друзья и враги. Стихи. — М.: Военное издательство, 1949. (Б-ка журнала «Советский воин»).
- Сражающийся Китай. — М.: Советский писатель, 1950.
 В эти годы. Публицистика 1941–1950. — М.: ГИХЛ, 1951.
 Стихи 1954 года. — М.: Советский писатель, 1955.
 Норвежский дневник. — М.: Советский писатель, 1956.
 Иван да Марья. Поэма. — М.: Правда, 1958. (Б-ка «Огонек», № 24).
 25 стихотворений и одна поэма. — М.: Советский писатель, 1968.
 Далеко на Востоке. Халхин-гольские записи. — М.: Советский писатель, 1969.
 Вьетнам, зима семидесятого... Книга стихов. — М.: Современник, 1971.
 В этом непростом мире. Очерки. — М.: Советская Россия, 1974.
 Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. — М.: Советский писатель, 1978.
 Разные дни войны. Дневник писателя. Т 1. Т 2. — М.: Художественная литература, 1981.
 100 суток войны. — Смоленск: Русич, 1999.
 Симонов К. М. Истории тяжелая вода. Воспоминания. — М.: ПРОЗАиК, 2015.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

- Орден Красного Знамени — март 1942 г.
 Медаль «За оборону Кавказа» — ноябрь 1944 г.
 Два ордена Отечественной войны 1-й степени — май 1945 г.; сентябрь 1945 г.
 Медаль «За оборону Москвы» — июль 1945 г.
 Медаль «За оборону Одессы» — 1942 г.
 Медаль «За оборону Сталинграда» — 1942 г.
 Медаль «За оборону Кавказа» — 1944 г.
 Медаль «За освобождение Праги» — 1945 г.
 Крест ордена Белого льва «За победу» (Чехословакия).
 Военный крест 1939 года (Чехословакия).
 Орден Сухэ-Батора (МНР).
 Герой Социалистического Труда — сентябрь 1974 г.
 Три ордена Ленина — 1965 .; 1971 г.; 1974 г.
 Орден «Знак Почета» — январь 1939 г.
 Сталинская премия первой степени (1942) — за пьесу «Парень из нашего города».
 Сталинская премия второй степени (1943) — за пьесу «Русские люди».
 Сталинская премия второй степени (1946) — за роман «Дни и ночи».
 Сталинская премия первой степени (1947) — за пьесу «Русский вопрос».
 Сталинская премия первой степени (1949) — за сборник стихов «Друзья и враги».
 Сталинская премия второй степени (1950) — за пьесу «Чужая тень».
 Ленинская премия (1974) — за трилогию «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето».
 Государственная премия РСФСР им. братьев Васильевых (1966) — за литературную основу фильма «Живые и мертвые».